

НАДЕЖДА СУХОВА

18+

СИЛА ЧУЖАКА

Надежда Сухова

Сила чужака

«Издательские решения»

Сухова Н.

Сила чужака / Н. Сухова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-678468-0

Получив силу древнего оружия, Женька ставит перед собой новые цели и отправляется в другую страну, чтобы совершить самое дерзкое преступление.

ISBN 978-5-00-678468-0

© Сухова Н.
© Издательские решения

Содержание

Два Стража	6
Семейные тайны	10
Гнездо	16
Профессор	23
Команда	30
Подданный Её величества	37
Все в сборе	43
Вирус	47
Дар	51
Вопросы государственной безопасности	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сила чужака

Надежда Сухова

Дизайнер обложки Наталья Полева

© Надежда Сухова, 2025

© Наталья Полева, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-8468-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Два Стража

В сумерках Женька не сразу увидел Сказочника: пустая платформа справа, слева – кирпичное строение и сложенные грудой стройматериалы: шлакоблоки, бетонные кольца, горы щебня. Между платформой и строительной свалкой несколько подёрнутых ржавчиной стальных нитей железнодорожных путей. Ни одной живой души, хотя было ещё не поздно. На железной дороге люди должны работать круглосуточно, однако на полустанке все словно вымерли.

Женька стоял несколько минут, прежде чем фигура в длинном плаще отделилась от стены кирпичного здания, словно афиша, которую, наконец, сорвал ветер. Женька направился в ту сторону, и фигура сделала шаг назад, снова слившись со строением.

– Меч Руала? – вместо приветствия удивился Сказочник.

– Да, решил вот прибарахлиться... – пошутил Женька, положив ладонь на рукоять.

– Это меняет дело! Сильно меняет! – оживился Сказочник. – Это значит, что мы идём с опережением и у нас больше времени, чтобы подготовиться. Осталось обучить тебя основным моментам... За мной!

И Страж быстро зашагал, переступая через пути.

– Тебе не интересно, откуда у меня этот меч? – Женька двинулся за ним.

– Интересно! Но расскажешь об этом позже, когда мы будем сидеть в берлоге и маяться от скуки, – бросил через плечо Сказочник. – Сейчас надо найти подходящую площадку.

Дядя удалялся так стремительно, что Женьке пришлось перейти на бег, чтобы нагнать его.

– Ты ведь уже пользовался мечом? По лицу вижу, что пользовался, – продолжал Сказочник. – Расскажи, что чувствуешь, когда держишь его в руках.

– Толком не могу описать. Бодрость, энергию, решимость, – начал перечислять Женька.

– А когда убиваешь?

На минуту Тартанов задумался. За то короткое время владения мечом он убил уже достаточно, но запомнилась ему лишь первая смерть – валькирии. Те ужас и отчаяние, которые охватили его в момент смерти твари, Женька, наверное, не смог бы забыть никогда. Остальные убийства произошли в такой бешеной круговерти, что он не сразу понимал, что случилось: все его мысли были заняты борьбой за свою жизнь.

– Ничего, наверное, – с неохотой признался он. – Только толчок в руку, когда меч втягивает сущность.

– Хорошо! Очень хорошо! – Сказочник покачал головой на ходу, как слон. – Это значит, что ты истинный Страж. Я боялся, что обе твои ипостаси будут сопротивляться. Я уже видел такое. Нашёл парня, который по всем параметрам годился, чтобы стать хранителем. Но когда он взял в руки мой меч, внутри него началась борьба: магия Повелителей вступила в конфликт с человеческой и драконьей сущностью. Борьба была настолько сильной, что парень не выжил – сгорел изнутри.

– Во мне нечему бороться...

– В каком смысле?

Женька рассказал, что ему довелось пережить за последние сутки. Дядя слушал очень внимательно, даже шаг замедлил, чтобы не упустить ни слова. Изредка он поднимал голову – то ли услышанное возмущало его, то ли он хотел вставить реплику, но сдерживался в последний момент. Голос он подал, лишь когда племянник закончил повествование:

– Повезло тебе! – и, поймав недоумённый взгляд Женьки, пояснил: – Когда я принял меч, я тоже был пуст. Поэтому сила наполнила меня беспрепятственно.

После этих слов Тартанов в который раз ощутил эту странную, даже пугающую уверенность, что происходящее в его жизни кем-то режиссируется, словно неведомая сила готовила

его к определённом финалу. Сначала отделила от семьи, чтобы взрастить в нём тоску по братьям и, как следствие, готовность пожертвовать всем ради них; потом лишила возможности употреблять физическую пищу, чтобы организм перестроился на новый вид энергообмена и таким образом подготовился к предстоящим испытаниям. Даже то, что он угодил в Башню и лишился своей магической ипостаси, казалось запланированным шагом, который упрощал передачу ему сильного и опасного оружия. После всего этого Тартанову стало казаться, что и оружием его наделили неслучайно. Эта мысль будоражила и пугала. От неё чаще билось сердце – то ли от предвкушения приключений, как в ту ночь, когда они с Вовкой ехали из детства, то ли от страха быть пешкой в чужой игре, которую не понимает и финал которой неизвестен.

В совершенном молчании драконы добрались до поляны, поднимавшейся по склону холма. Поляна была усеяна цветами, но в темноте эта поросль напоминала море и неторопливо колыхалась на слабом ветру. Невольно Женька отметил, что при свете дня тут очень красиво. На таких полянах он любил останавливаться прошлым летом, когда Вовка отправлял их с Максимом в марш-броски через леса. Младший всё время ворчал и скандалил, но Женька, не обращая внимания на выпады, задерживался на несколько минут, чтобы вдохнуть аромат цветов и трав, чтобы понаблюдать за пчёлами и бабочками, чтобы послушать стрёкот кузнечиков. Иногда такие остановки становились причинами ссор между братьями, и тогда Максим уходил в бешенстве, а Тартанов-старший использовал эту размолвку, чтобы взять паузу и слиться с природой хотя бы на несколько минут.

Из воспоминаний его вырвал голос Сказочника:

– Всё, хорошее место. Потренируемся здесь.

Женька остановился, прислушиваясь к шороху ветра и запаху цветенья. Сказочник вынул из ножен свой меч и воткнул в землю.

– Я думаю, ты уже понял, что меч будет питать тебя энергией, однако носить его с собой каждый день ты не сможешь. Да и надобности в этом никакой: он будет привлекать лишнее внимание. Поэтому время от времени тебе придётся оставлять его в укрытии, – с этими словами Сказочник направился вверх по холму, и Женька последовал за ним. – Тебе надо научиться двум вещам: накладывать печать, чтобы меч не украли, и заряжаться от него энергией на расстоянии.

Тартанов оглянулся на меч, который светился в темноте голубой полосой, как неоновый фонарь.

– Не знаю, как в других мирах, но в нашем все магические вещи излучают особые волны. Эти волны могут как притягивать, так и отпугивать нежелательных гостей. Ты сам решаешь, какой заряд придать этим волнам.

– То есть я могу рыбачить мечом? – усмехнулся Женька.

– Не совсем так, но суть ты уловил. Как использовать оружие в качестве приманки, я уверен, ты додумаешься сам. Моя задача – научить тебя оберегать его. Суть наших мечей такова, что они перерабатывают чужую энергию. Чтобы дать силы нам, они должны отнять чью-то жизнь, поэтому меч убивает любого, кто к нему прикасается. Кроме хозяина, конечно. Было у меня несколько неприятных моментов, когда я возвращался в укрытие и находил там парудохлых людишек или животных. Избавляться от трупов в больших городах очень хлопотно, но именно в больших городах тебе и придётся оставлять меч дома. Поэтому важно поставить печать, которая отпугнёт любопытных дуралеев. Радиус действия печати зависит от качества материала, на который ты её нанесёшь, и от времени твоего отсутствия. Чем дольше тебя нет, тем сильнее становится печать.

Сказочник достиг вершины холма и обернулся к склону, глядя на тусклую полоску голубого света. Женька огляделся: противоположная сторона холма была крутой, словно лес, наступающая, поджал один бок возвышенности.

– Однако в твоё логово может заглянуть тот, кого не отпугнёт печать. Либо настолько сильный, что просто не почувствует её воздействия, либо имеющий магический оберег от подобных заклинаний. В таком случае всё будет зависеть от поверхности, на которую ты нанесёшь печать. Пока она рядом с мечом, никто не посмеет к нему прикоснуться, но, если ты наложишь печать на какой-то нестабильный материал, который можно отделить от меча и отнести на безопасное расстояние, твоё оружие станет беззащитным. Поэтому накладывая оберег только на то, что нельзя сдвинуть с места – на камень, например, или на какое-то строение, которое нельзя разрушить, не привлекая постороннего внимания. Либо на худой конец – просто воткни меч в скалу.

– Как Эскалибур?

– Вообще-то, Кларент. Эскалибур – это другой меч.

– А вдруг придёт какой-нибудь король Артур и вынет мой меч? – смутился своей оплошности Женька.

– Чтобы вынуть, королю Артуру придётся взять его за рукоятку, а это убьёт любого, кроме Стража и владельца меча, – терпеливо объяснял Сказочник. – А вот если ты просто положишь меч, то его можно будет взять за лезвие, и тогда вор сможет его унести.

– Понял! Давай уже перейдём к нанесению печати.

Сказочник опустился на одно колено, сжал правую ладонь в кулак и чётко, словно читал стихи со сцены, произнёс заклинание, поднес кулак к губам. После этого он разжал пальцы и с силой припечатал ладонь к земле. Когда он поднял руку, то среди цветов на земле Женька увидел огненный отпечаток узора. Он светился слабо, как дотлевающие угли костра.

– Печать видишь только ты, другим она недоступна. Снимать её надо, повторяя ритуал в обратном порядке.

Сказочник прижал ладонь к узору, собрал его в кулак вместе с травой и землёй, поднёс к губам и произнёс заклинание.

– Ты сказал, что, кроме тебя, печать никто не видит. Как тогда вор узнает, где она, чтобы избавиться от неё? – нахмурился Женька.

– Если он не обладает никаким оберегом, то он и не узнает. Именно поэтому любопытствующие дурни хватаются сразу за рукоять и гибнут. Если же у вора есть магическая защита от воздействия печати, то нельзя исключать вариант, что злоумышленник сможет её видеть. Я просто предполагаю и перестраховываюсь.

Тартанов понимающе кивнул:

– Ты сейчас попросишь, чтобы я повторил это?

– А как иначе? – улыбнулся Сказочник.

Женька проделал весь ритуал в одну и в другую сторону, и дядя остался доволен результатом.

– Теперь расскажи, как от меча заряжаться энергией, – с нетерпением попросил Женька и поймал себя на мысли, что ведёт себя, как младший брат. От этого в душе стало тепло, как будто Максик был рядом.

– Делать это ты можешь на любом расстоянии от меча, пусть даже он находится на другом конце земного шара, но лучше эту процедуру производить днём: энергия передаётся световой вспышкой, поэтому ночью она заметна.

Сказочник вытянул правую руку в сторону меча, произнёс новое заклинание и имя владельца оружия – Повелителя Орига. Тут же с рукоятки меча сорвалась огненная стрела – точно в ладонь Стража. Он пошатнулся от ударной волны и безвольно опустил руку, как будто устал держать её навесу.

– Не очень приятная процедура, – процедил он сквозь зубы, сжав запястье другой рукой, и несколько секунд молчал, видимо, ждал, когда пройдёт боль. – Но если выхода нет, то приходится.

– Я видел эти стрелы! В Кронштадте! – осенило Женьку. – Это ты заряжался от меча!

– Да...

– А я всё думал: по кому ты стрелял!

– Я был так опустошён, что не хватило сил даже подняться. Привалился к стене и подзарядился.

– Эти молнии попали на видео. Местные уверены, что это было НЛЮ или призрачная батарея.

Сказочник кивнул и после небольшой паузы предложил:

– Теперь зарядись от моего меча.

– Но он же твой!

– Ты Страж! И ты знаешь имя владельца. Значит, должно сработать.

– Может, в другой раз? Что-то не очень хорошо себя чувствую...

Сказочник молчал, и Тартанов чувствовал его пронзительный взгляд из тьмы под капюшоном.

– Ладно, я попробую.

Он сделал всё, как несколькими минутами ранее его дядя. Он помнил, что от стрелы сильная отдача и что вхождение энергии – неприятный момент, но даже представить себе не мог насколько. Едва сгусток энергии коснулся его пальцев, Женьку отбросило назад, как в замке Повелителей, когда Туэмре оставил узор на его ладони. Первые пару минут после падения он не чувствовал своего тела – просто лежал и хватал ртом воздух. Ему казалось, что это не он дышит, а неведомая сила гоняет туда-сюда воздушную струю. Постепенно чувствительность возвращалась. Сначала слух и обоняние, и Женька ощутил запах цветов и услышал голос Сказочника:

– Ну как? Понравилось?

– Иди к чёрту... – прохрипел Тартанов и с трудом сел. Тело ныло, в голове стоял звон, а правая рука не подавала признаков жизни. Он осторожно ощупал её, попытался поднять, но тщетно: ниже плеча всё было парализовано.

– Не бойся, она отойдёт. Сначала для этого потребуется час, потом полчаса, а потом научишься восстанавливаться за несколько секунд, – Сказочник помог ему встать на ноги. – Но этому стоит учиться сейчас, потому что в бою ты с бесчувственной рукой не боец.

Женька согласно кивнул и ещё раз потрогал руку, плетью повисшую вдоль тела.

– На этом обучение закончим, – Страж хлопнул его по спине и стал спускаться с холма. – Возвращаемся в Кронштадт.

Семейные тайны

В камине уютно потрескивал огонь. В комнате пахло, как в магазине одежды. Этот запах неизбежно источают вещи, обработанные на фабрике различными химическими соединениями, чтобы ткань не линяла, не вытягивалась раньше времени, не намокала, выглядела свежо и ярко. Видимо, этот аромат шёл от кровати Стража, на которой была навалена груда разноцветного тряпья.

– Садись! – хозяин этой берлоги кивнул на кожаное кресло.

Женька не стал спорить и ничего не спрашивал. После дистанционной подзарядки он чувствовал себя разбитым. Рука ещё не обрела подвижность, но чувствительность уже вернулась, и тупая боль в мышцах и ломота во всех суставах мучали Тартанова. Он опустился в кресло и с наслаждением откинулся на спинку.

– Болит? – поинтересовался Сказочник, прилаживая ножны со своим оружием над камином.

– Угу... – угрюмо отозвался Женька.

– Ты до краёв наполнен древней магией. Полечи себя!

Женька вздохнул: такой простой способ почему-то не пришёл ему в голову. Он сконцентрировался, как делал это в бытность лекарем, приложил левую ладонь к правому плечу и стал снимать боль.

– Лучше к ладони приложи, – посоветовал Сказочник. – Меньше магии потратишь.

– Что?

– Когда лечащая рука на плече, магические волны расходятся от неё в разные стороны по всему телу. А когда она в конце руки, то магии некуда распыляться. Всё идёт в дело.

Женька улыбнулся и последовал совету. Помогло действительно быстрее: ломота утихла, и пальцы уже можно было сжать в кулак, не боясь боли.

– Сейчас поспи. Я знаю, что ты можешь не спать после такой подзарядки, но всё же лучше не злоупотреблять посторонней силой. Она дана тебе в помощь, но если ты будешь пользоваться ей по любому поводу, то станешь зависимым от неё.

Женька кивнул, продолжая лечить руку.

– Поживёшь пока у меня, а когда отправишься за ключами, соорудишь своё гнездо, – Сказочник лёг на кровать.

– За ключами?

Дядя ответил не сразу. Сначала он повозился, устраиваясь поудобнее, свернулся калачиком, накинул полу плаща на голову и оттуда произнёс:

– За ключами от Врат. Завтра расскажу. Спи.

– А камин?

– Пусть горит.

Женька больше не рискнул нарушать молчание. В кресле было не очень удобно, да ещё рука не до конца отошла. Тартанов попытался расслабиться, чтобы хотя бы подремать, но сон не шёл к нему, как не шло и успокоение.

Перед глазами стояли его братья. Максик с его наигранным оптимизмом и показной мальчишеской небрежностью, с которой он вскочил в седло «Кавасаки» – всё ради того, чтобы скрыть истинные чувства. И Вовка с таким взглядом... Он всё понял без слов, и Женька даже смутился от того, что не пришлось ни извиняться, ни оправдываться. И то, как Вовка обнял его на прощание – так, словно на самом деле прощался навсегда. От этого в груди что-то до боли сжималось, и становилось трудно дышать. В тот момент Женька промолчал, боялся расплакаться. Но сейчас его подмывало набрать Вовкин номер и высказать всё, что было на душе. Сказать: «Не грусти обо мне. У тебя есть дочь, любимая женщина и бестолковый младший

брат, который очень нуждается в твоей твёрдой руке. Ты нужен им всем. Ты – самый нужный дракон в нашей семье, а я – самый бесполезный. Поэтому я и подписался на этот поход. Такие, как я, рождаются, чтобы принести себя в жертву. И я сделаю это, потому что иного пути у меня нет. Прими с благодарностью мой поступок и не оплакивай меня».

Женька покосился на спящего Сказочника и вздохнул. Конечно, он не будет звонить Вовке. Ни сейчас, ни потом. Услышав такое, Вовка уже не сможет жить спокойно: ринется спасать его, а если не успеет, то будет винить себя в том, что не уберёг семью, как просила мама. Поэтому лучше не говорить ничего.

Какое-то время Тартанов сидел в тишине, но скоро она стала невыносима. За последние несколько дней произошло множество событий, которые перевернули жизнь с ног на голову, и у Женьки даже толком не было времени подумать об этом. Однако теперь, когда время для этого появилось, мысли стали тягостными, а одиночество невыносимым. Он осторожно покинул комнату и поднялся на крышу форта. Вдалеке поблёскивал огнями, похожими на россыпи светляков, Кронштадт. С другой стороны, переливаясь иллюминацией, двигалась частная яхта, с которой ветер доносил музыку. Наблюдая за чужой жизнью, Женька с грустью осознал, что не имел своей. Большую часть сознательных лет он провёл в детдоме, где главной задачей было – перестать ощущать течение времени. Тартанов словно впал в анабиоз, проживая один за другим одинаковые дни. Спустя восемь лет яркой вспышкой в его жизнь ворвался Вовка, на короткий миг подарил семью и надежду на нормальную жизнь, а потом... Потом Женьке пришлось сначала расстаться с мечтами о нормальной жизни, а теперь и попрощаться с ней самой – с той корявой, непонятной, пугающей, но всё-таки своей жизнью. Из головы не шли слова Повелителя Ауранга о том, что путь Стража – это дорога в один конец.

Женьке хотелось плакать от досады: тогда, в Кронштадте, он согласился на условия Сказочника, поддавшись эмоциям. Ему очень хотелось вернуть старшего брата, он боялся, что сам не справится, что, пока они с Максиком найдут выход, будет слишком поздно. В тот момент он готов был умереть ради Вовки. Но когда брата вызволили из лимба, Женька понял, что не хочет с ним расставаться. Какой смысл был жертвовать собой ради спасения, если не сможешь быть рядом со спасённым?! Не сможешь видеть его добрую, чуть набок улыбку. Не сможешь слышать его бархатный голос. Не сможешь восхищаться его спокойствием. Не увидишь больше его профиль, сосредоточенно глядящий на дорогу.

Тартанову хотелось, как ребёнку, вцепиться в Вовку и орать во всю силу своих лёгких, протестовать расставанию. Конечно, он так не сделал бы: старший брат поймёт самоотречение, но никогда не поймёт истерики. Поэтому Женька стиснул зубы и переступил через свои чувства, свои желания, как бы больно от этого ни было. И всё равно чувство острой несправедливости не давало ему принять свой выбор. Он единственный из братьев был лишён семьи. Вовка остался сиротой в восемнадцать лет, семилетний Максик не пробыл в статусе сироты и года, а вот средний брат... Справедливо ли отнимать у среднего то, чего он был лишён долгие годы? Справедливо ли вынуждать его сделать выбор, который отбросит всё, причитающееся ему за годы страданий, так далеко, что и следов не найти?

Сердце кричало, что так быть не должно, что он заслужил иной участи. Но разум уже подготовил аргументы. Вовка же не испугался отдать жизнь в сражении с лигами, чтобы спасти своих братьев. Теперь его, Женькина, очередь. С другой стороны, это не такая уж бесполезная смерть – отдать жизнь за свободу своего народа. Чтобы королева, не опасаясь за жизнь своего избранника, могла выйти замуж за Вовку. Чтобы им не пришлось скрывать своего ребёнка. Чтобы Максик не сражался каждый день со своей тёмной половиной, которую то и дело провоцируют люди. Чтобы Манул и Настя не чувствовали себя изгоями, боясь расправы толпы. Чтобы Беша и Кот наконец перестали бежать от правосудия, вершимого лигами. Чтобы судьями драконов больше не распоряжались те, кто не имеет права на такие решения. Чтобы лиги больше не ставили жуткие и жестокие эксперименты над драконами, порабощая и уродуя их

сущность. Разве защитить свой народ – не благородная цель, ради которой стоит погибнуть? Это лучше, чем умереть от внутреннего кровотечения в лесной хижине, в бреду, на глазах у перепуганного младшего брата.

Однако сколько бы Женька ни убеждал себя в правильности и нужности своего поступка, покидать этот мир ему отчаянно не хотелось. Сидя на крыше форта, он понял одно: бросать свою жизнь на алтарь высоких целей лучше мгновенно – в пылу сражения, в приступе отчаяния, в минуту страха или боли, в то мгновение, когда жизнь другого, близкого тебе дракона, в опасности. Закрыть собой брата от пули, прыгнуть за ним в пучину, вызвать огонь на себя – что угодно, лишь бы не успеть всё обдумать. Поддаться порыву, надеясь, что он спасёт другую жизнь. Но ежедневно обсасывать своё решение, взвешивать, сравнивать, досадовать и злиться – нет, этот путь не ведёт к героизму.

– Вышел попрощаться с жизнью? – раздался за спиной тихий голос, и Тартанов внутренне вздрогнул, но внешне даже виду не подал, что приход Сказочника стал для него неожиданным.

– Нет, просто не спится.

– Я хотел тебе сказать об этом завтра, но раз не спится, не буду мучить тебя, – Страж присел рядом, и ветер тут же подхватил рваные полы его плаща. Они забились, захлопали в воздушном потоке. – Ты не умрёшь. Мы оба не умрём.

Женька слабо улыбнулся.

– Я знаю, Повелители сказали, что наша миссия потребует от нас жертв, но они описали самый негативный исход. Если всё пойдёт не так, мы должны будем завершить задание ценой собственных жизней. Но если мы подготовимся, если подойдём к делу разумно, а не с шашками наголо, как твой младший брат, у нас есть шансы выжить.

Женька молчал, не сводя глаз с огней парокровов, которые уходили к горизонту Балтики. Серо-синее небо сливалось с серо-синим морем, и казалось, что парокровы плывут прямо к звёздам, в бескрайнюю ночь.

– Мы добудем ключи. Я – от Врат богов, ты – от Врат людей. Для нашей магии это довольно простая задача. Один ключ от Врат драконов уже с обратной стороны, так что взломать две двери Повелителям под силу, поверь мне, – Сказочник ковырнул носком сапога траву, проросшую на крыше. – Трудность не в ключах, ты же понимаешь. Когда Повелители войдут в этот мир, они заберут у нас оружие, и мы больше не сможем подпитываться его силой. Вот здесь и кроется главная сложность. Если мы справимся, если научимся жить, как обычные драконы, – мы выживем. Я надеюсь, что мы сможем. В конце концов, это ведь наша природа. Она должна победить смерть.

– Когда войдут Повелители, начнётся война. Некому будет помогать нам.

– Мы есть друг у друга. Да, мы не многоголовый дракон, но ты... Женька, ты практически реинкарнация твоей мамы. Если бы она умерла до твоего рождения, то я мог бы отдать правую руку на отсечение, что ты – это она.

– Ты сейчас пытаешься меня утешить или рассмешить? – Женька нервно усмехнулся.

– Несколько лет мы с ней провели в Центре – два молодых, напуганных дракона, для которых мир ограничивался их клеткой. Мы не знали ни любви, ни сострадания, ни ласки, ни заботы. Я – это всё, что было у Лады, а у меня была только она. И даже потом, когда стали появляться другие золотые драконы, лиги держали нас особняком, потому что мы были испытательными образцами, тренажёрами. А потом мы сбежали и ещё несколько лет скитались. Мы сроднились так, что стали практически одним целым. Так что мои слова – не просто красивые фразы. Я чувствую Ладу в тебе: её силу, любовь и мужество.

– Если ты так хорошо чувствуешь её, почему нашёл не меня, а Максика? – Женька шумно выдохнул. – Скажи уж прямо: я самая бесполезная голова у трёхглавого. Вовка был взрослым и сильным, и потому ему не требовалась помощь. Максик был маленьким и чувствительным,

и потому надо было оберегать его. А на меня всем было плевать. Поэтому Повелители выбрали меня, да? Потому что меня не жалко.

– Ты обижен и зол и сейчас заплачешь от жалости к себе, – хмыкнул Сказочник.

Тартанов мотнул головой и отвернулся.

– Я нашёл Максима первым, потому что он – это я. Он моя копия, если так можно выразиться. Глядя на него, ты можешь представить, каким был я в первые годы жизни.

Женька вдруг вспомнил то видение, что настигло его в Ховринской больнице, видение, где он спасал младшего брата от врачей. И то ощущение, будто он уже бывал в подобном месте. «Амбрелла», видимо, детально повторяла строение Центра, где лиги выращивали драконов, проводили эксперименты и где жили мама и её брат. И вполне вероятно, что те сны и это видение – не фантазии и не галлюцинации, а воспоминания. Наследие, оставленное мамой.

– Если вкратце, то план у меня такой: научу тебя паре-тройке фокусов, которые помогут тебе одолеть не только людей и тварей, но и драконов. Наши соплеменники, знаешь, не все пропитаны ненавистью к лигам. Многие очень даже лояльны к ним, поэтому ты встретишь сопротивление на пути, – продолжал Сказочник. – Ты отправишься добывать ключи от людских Врат. Мы продумаем план, постараемся предусмотреть возможные трудности. Соберёшь команду, вместе вы справитесь с задачей.

– А чем займёшься ты?

– Я отправлюсь за ключами богов.

– Один?

– У нас нет времени делать всё вместе: надо разделить. Как только одно хранилище будет вскрыто, лиги сразу кинутся переносить второе. Поэтому надо нанести два удара одновременно.

– Ты справишься один? Может, тоже наберёшь себе команду?

– Излишне. Боги прячут свои ключи в Центре, а я родился и жил там. Я знаю это место, как свои пять пальцев. Если мне и нужен помощник, то такой, который бы тоже там ориентировался. Но у меня нет времени искать других золотых драконов: они слишком хорошо маскируются.

– Доппельгангер! – осенило Женьку. – Он ведь тоже золотой дракон и тоже был рождён в Центре. Я знаю, как его найти.

– Я тоже знаю, но он мне не подходит. Он слишком боится богов. Я не могу его винить за это: то, что довелось пережить этому парню, не всякий вынесет, – вздохнул Сказочник. – Если он и поднимет оружие, то только на своей территории, где есть поддержка соплеменников. А в логово противника он не сунется. Поэтому я сделаю это один. Не волнуйся за меня, я уже всё продумал.

Повисло молчание. Женька чувствовал, что ещё несколько секунд, и дядя скажет, что пора спать. Но уходить не хотелось. Хотелось ещё посидеть тут, на прохладном ветру Балтики и поговорить. Беседа успокаивала Тартанова, помогала примириться с собственной участью. Поэтому, пока Сказочник ничего не произнёс, он попросил:

– Расскажи мне о маме.

Дядя выпрямился, словно у него устала спина от неудобной позы, потёр ладонями колени. Казалось, он сбит с толку такой просьбой, но Женька чувствовал, что Сказочник ждал этого вопроса. За четверть века, что он скитался в одиночестве, едва ли ему доводилось поговорить с кем-то по душам.

– Сколько тебе было, когда она умерла? – спросил он в ответ.

– Семь лет. Она ехала с моим отцом на машине, и он вдруг врезался в ограду моста. Машина упала в воду, и они оба погибли, – Женька удивился, с какой лёгкостью он произнёс то, что обычно отдавалось болью в груди и от чего наворачивались слёзы.

– Ты совсем не помнишь маму?

– Очень смутно. Лицо её, наверное, уже не смогу восстановить в памяти. Только голос, запах, прикосновения.

– Жаль. Я думал, ты мне расскажешь, какой она стала.

Тартанов опустил голову. Сказочник жаждал того же, что и он сам, – узнать о Ладе. Та надпись на стене форта «Тотлебен» – крик души измученного долгими поисками и одиночеством брата – вспомнилась Женьке, и он ощутил то же, что и тогда – тоску и отчаяние.

– Я думаю, ей было очень одиноко, – прервал молчание Страж. – Генце переправил меня на Ссои, где Повелители обучали меня тому, чему я обучаю тебя сейчас. В тех мирах нет смены суток. Тьма и свет чередуются, как в нашем мире погода. Свет гаснет под влиянием множества факторов, как у нас множество факторов влияют на возникновение циклонов и антициклонов. Из-за этого мне казалось, что я пробыл там немного, а когда вернулся сюда, то понял, что меня не было больше шести лет. Что делала Лада в это время? Когда я думаю об этом, мне становится больно. Она осталась одна – в этом жестоком мире, где опасности грозили на каждом шагу. Видимо, ей было очень страшно, потому что она спряталась так, что найти её не смог даже я – я, обладающий магией высшего порядка и тонко чувствующий драконов. Я нашёл её могилу через четыре года после её смерти. Я увидел, что она похоронена рядом с каким-то человеком, что у них одинаковые фамилии, и понял, что она вышла замуж. Наверное, это было единственным возможным спасением – ассимилировать с людьми. Мне бы очень хотелось знать, почему она приняла такое решение и как жила эти годы без меня.

– Зачем тебе это? Ты всё равно ничего уже не изменишь.

– Я должен это знать. Просто должен и всё.

Женька снова посмотрел на море. Огни судов сместились, меняя картину, как будто гигантские игроки переставили свои светящиеся фишки в настольной игре.

– Она хорошо придумала – родить вас. Устроила свою силу. Может быть, она надеялась, что я отыщу её, и мы всей семьёй закончим то, что должны были?

– Закончим что? Поиск ключей?

– Да, – Сказочник вдруг негромко рассмеялся. – Когда мы появились на свет в Центре, лиги всё время говорили нам, что мы – квинтэссенция нашего рода. Они вряд ли понимали, насколько близки оказались к истине: сами создали оружие против себя. Не было сомнения: мы с Ладой появились, чтобы спасти драконов. Кровь Руала запустила этот механизм или же древняя магия, к которой прибегли наши создатели, – я не знаю, но только каждый наш шаг, каждый поступок вёл к тому, чтобы мы стали теми, кем стали.

– С тобой-то всё понятно, но мама? – удивился Женька. – Мама просто пыталась защитить потомство всеми силами.

– Она не просто самка, продолжившая свой род. Она целенаправленно отдала каждому из вас частичку своей силы. Владимир получил ипостась кузнеца – мудрость и созидание, ты унаследовал магию своей матери, а Максим – бесстрашие и силу. Вы – это ваша мать в трёх лицах. Трёхглавый дракон. Когда я смотрю на вас, меня гордость распирает за свою сестру: она нашла способ приумножить свои таланты.

Эти слова почему-то смутили Женьку. Конечно, ему было приятно слышать такое о маме, но эта похвала касалась не только её, но и его тоже. Как будто он незаслуженно получает награду.

– Видишь, в нашей семье тоже есть свои тайны, – Сказочник толкнул племянника локтем в плечо.

– Надеюсь, ты всё это говоришь мне не для того, чтобы утешить.

– Я хочу, чтобы ты знал, какая сила внутри тебя. Я сейчас не про меч и его магию – я про твою наследственность. Не думай о предстоящей миссии, как о жертвоприношении. В них никогда не было смысла. Я выбрал тебя для этого задания, потому что ты и только ты можешь с этим справиться.

Женька вспомнил сон, который увидел в машине, когда выслеживал Сказочника. Мама говорила те же слова: «Если не ты, то и никто другой». Это, как ни странно, примирило его с нынешними обстоятельствами. По крайней мере, тоска и чувство несправедливости ушли, осталась только чувство вины перед братьями и решимость эту вину загладить.

– Не жди смерти: она ещё не скоро явится за тобой, – Сказочник хлопнул его по плечу и встал. – Потрать время ожидания с пользой.

– Стой! – Женька тоже вскочил. – Как тебя звали до того, как ты стал Сказочником?

– Стик. Так меня называли боги. Сказочника придумала Лада. Она называла меня так, когда я начинал фантазировать, как могла бы сложиться наша жизнь, если бы не лиги. Когда ко мне перешёл меч Генце, я взял себе новое имя – отчасти потому, что боги, да и многие драконы не верили в существование Генце. Сказочный персонаж, герой небылиц – это мне подходит.

Гнездо

Несколько дней ушло на подготовку. Ночами Стражи охотились, перемещаясь на большие расстояния. Женька научился у Сказочника различным магическим премудростям, например, околдовывать драконов, которые были устойчивы к обычным заклинаниям, или обходить защиту амулетов. Днём же дядя и племянник сидели в форте, разрабатывая план похищения ключей. Они могли бы делать это и на охоте, но Сказочнику было важно каждое утро возвращаться в гнездо. Отчасти потому, что летом на «Александр Чумной» чаще всего заезжали фотографы, сталкеры, блогеры и просто любители побродить по развалинам. Сказочник, как настоящий дракон, стерёг свои сокровища.

– Почему ты не шуганёшь их магией? – спросил Женька, слушая, как за стенкой хохочут и повизгивают девчонки, устроившие со своими ухажёрами пикник на территории форта.

– Стратегия, мой друг, – спокойно отвечал Страж. – Продумывай поступки на несколько шагов вперёд. Шугну я этих, они тут же растрещат о случившемся в соцсетях – и через неделю здесь будет не продохнуть от искателей острых ощущений.

Женька согласно кивнул. С одной стороны, ему было забавно отмечать в дяде черты существ, которых люди считали мифическими. Сказочник хоть и выглядел человеком, но вёл себя как настоящий хищник: игнорировал тех, кто слабее его, чутко отслеживал добычу и был беспощаден к соперникам. При возникновении опасной ситуации он без колебаний устранял проблему, уничтожая противника. В один из вечеров, когда драконы разжились несколькими золотыми украшениями (к Сказочнику золото липло ещё сильнее, чем к Вовке), на них напали два подвыпивших и потому смелых молодчика. Видимо, парни отследили момент, когда старший Страж складывал золото в тряпичный мешочек, и напали на него, угрожая ножами. Нападением, конечно, этот акт сложно было назвать: первый парень ещё не закончил фразу с угрозой, как его голова слетела с плеч. Второй был так ошарашен внезапностью и неотвратимостью произошедшего, что буквально врос в землю от страха. Через секунду его голова тоже попрощалась с телом.

– Зачем ты это сделал? – Женька, казалось, испугался не меньше этих парней. – Мог бы просто усыпить или загипнотизировать их.

– Зачем щадить тех, кто был готов убить меня? Я просто принял правила их игры, – Сказочник как ни в чём не бывало двинулся по тротуару дальше.

– Но это как-то... неправильно!

– Свой гуманизм оставь для бездомных щенков, – неожиданно резко ответил дядя. – Для этих ублюдков жизнь не имеет ценности. Они готовы были её с лёгкостью отнять – не у меня, так у кого-то другого. Я повидал таких немало, они все живут по принципу: кто сильнее – тот и прав. Не вижу проблемы в том, чтобы применять этот принцип к ним самим.

Женька молчал. Одна половина его души отзывалась на эти слова, считала их верными и даже мудрыми. Другая же половина сопротивлялась им.

– Ты знаешь, как работают антибиотики? – вдруг спросил Сказочник, сбавляя ход, чтобы племянник мог догнать его.

– Теоретически. Убивают патогенную микрофлору, в том числе и ту, которая не вызывает воспаления.

– Верно! Но чтобы добиться такого результата, мало одной таблетки. Чтобы победить инфекцию, нужно убить не только сами бактерии, но и их детей и детей их детей. Нужен геноцид, если так можно выразиться. В противном случае, если мы убьём только часть бактерий, оставшиеся научатся сопротивляться антибиотику. И это передадут своим детям, которые, когда вырастут, уже не будут чувствительны к лекарству. Улавливаешь аналогию?

– Нет, если честно...

– Люди – это бактерии. Какие-то безобидны, другие несут зло. Искоренять это зло нужно не гипнозами и не угрозами, а смертью. Мёртвые злодеи уже никому не причинят зла, ясно? Твои гуманистические методы – это та самая одна таблетка антибиотика, которая не уничтожает инфекцию, но делает её сильнее.

– Ты хочешь сделать из меня какого-то терминатора!

– Женья, я не призываю тебя убивать направо и налево. И не прошу становиться судьёй. Я учу тебя отвечать агрессией на агрессию и добром на добро. Человек набросился на меня, чтобы отнять мою жизнь, и я убил его. Если человек поспешит мне на помощь, я тоже спасу его. Усвой это простое правило, иначе ты не выживешь в мире людей, будучи драконом.

Последняя фраза особенно сильно откликнулась в сердце. Женька с каждым днём ощущал, что становится всё больше драконом. Это было не сравнить с тем чувством, что возникло после ритуала. Тогда формально ничего не поменялось. Женька просто принял тот факт, что ему теперь доступна магия, что он может притягивать золото, проходить сквозь стены, гипнотизировать людей и питаться тварями. Это было всего лишь новыми способностями, как умение кататься на велосипеде или плавать.

Сейчас же он ощущал изменения на более глубинном уровне, и это заставляло его иначе чувствовать мир, иначе реагировать на него. Это было похоже на медленную трансформацию в новое существо. Превращение это рано или поздно привело бы к тому, о чём говорил Сказочник. Возможно, его слова вызывают сопротивление только сейчас, а потом, когда метаморфоза закончится, сам Женька будет думать точно так же, как дядя, и не поймёт иного взгляда. Поэтому для себя он решил, что будет оставаться гуманистом так долго, насколько это будет возможным.

Неожиданным эффектом превращения стали и некоторые физические ощущения. Например, желание свернуться калачиком и спрятать голову под крыло во время сна. Конечно, никаких крыльев у Женьки не было и быть не могло, но желание от этого не ослабевало.

– Тебе надо обзавестись плащом, – посоветовал дядя, укрываясь полкой своего. – Пока мы в этом чёртовом теле, надо чем-то компенсировать зов инстинктов.

Плащи Женька не любил. Они сковывали движения, их полы пачкались о ступени, путались в ногах, цеплялись за траву. Ему был по душе строгий спортивный стиль: ничего лишнего, ничего лишнего свободы движения. Но уже где-то в глубине души Женька понимал, что Сказочник прав: скоро нехватка крыльев станет сильнее, а желание раскинуть их за спиной – острее.

Пока что единственная вещь утоляла его инстинктивные потребности – большое кресло-мешок, самое большое, какое только можно было найти в магазинах. Сейчас оно заменяло Тартанову гнездо. Конечно, целиком он в нём не помещался, да этого и не требовалось. Достаточно было опуститься в мягкую бесформенную массу, ощутить, как она приятно принимает тело, успокаивает, убаюкивает, дарит ощущение комфорта – совсем как маленький тихий мирок.

– Гнездо для дракона – не просто дом, это стратегический объект, – заговорил Сказочник, когда Женька, погрузившись в свои мысли, затих. – Помни: тварь, забредшая в логово дракона, не может покинуть его самостоятельно. Поэтому люди, носящие в себе паразита, могут стать заложниками твоего жилища, если, конечно, тварь не покинет их тело, испугавшись тебя. Всегда держи это в голове, потому что люди, одержимые паразитами, склонны к жестокости, убийству и наживе. А в твоём гнезде должна быть и сокровищница. Дракон не дракон без сокровищ.

– Золото меня не манит, – слабо улыбнулся Женька. – Книги, знания, наследие – вот мои сокровища.

– За магическими книгами охотится много дураков. Люди не способны не то чтобы избавиться от бесов внутри – они даже не могут понять, что одержимы. Но тем не менее хотят обладать магией! Сколько дурных голов полегло в погоне за знаниями, постичь которые чело-

веческий род физически не в силах! И они будут лезть к тебе в жилище, они будут охотиться на тебя, полагая, что ты откроешь им путь в неизведанные земли.

Об этом когда-то говорил и Вовка. «На каждого дракона найдётся свой рыцарь, – повторял он и добавлял: – Так что не спеши лезть на рожон. Рыцарь сам к тебе придёт».

Чем больше времени Женька проводил с дядей, тем чётче замечал в нём черты старшего брата: та же невозмутимость и мудрость, то же стремление защитить и одновременно дать свободу, заботиться и позволить быть самостоятельным. Даже не верилось, что когда-то Сказочник вёл себя, как Максик.

Когда освоение магических приёмов завершилось, дядя начал тактическую проработку плана миссии.

– Поскольку только марги имеют право на военные действия, то защита ключей от людских Врат возложена на них, – объяснял он, раскладывая на столе карту мира с непривычными границами владений, не совпадающих с территориями реальных государств. – Здесь, на территории России, расположены Третьи Врата, человеческие, а ключи, как и следовало ожидать, хранятся в другом месте, но тоже на территории маргов.

– В США? – догадался Женька.

– Именно. Туда ты и отправишься.

– Но я плохо знаю английский язык!

– Ты будешь говорить с драконами на драконьем языке, – Сказочник развёл руками. – Мы все, кроме зелёных драконов, понимаем этот язык, потому что он создан для телепатического общения. Мы думаем на этом языке, поэтому не важно, по-русски ты говоришь или на каком-то другом языке, – слова дойдут до собеседника и будут поняты.

– То есть можно вообще не произносить ни слова?

– Можно. Думаю, уровень твоего развития позволяет говорить именно так, но вот у других драконов, у которых человеческая половина сильна, скорее всего, не получится телепатически ответить тебе. Им будет необходимо облечь мысль в звуки, чтобы она всё-таки покинула голову. Поэтому многие драконы за редким исключением будут с тобой именно говорить.

– А если со мной заговорит человек?

– Прикинься глухонемым, – фыркнул Страж.

– Дядя! Я серьёзно!

– Женька, ты как маленький! – Сказочник мотнул головой и, наверняка, там, под тьмой, закатил глаза. – Ты одним шагом можешь пересечь Атлантику и ты носишь в ножнах штуку, способную за минуту стереть с лица земли город с населением тридцать тысяч! Так неужели ты не способен освоить какой-то чёртов людской язык?!

Женька опустил глаза и покраснел. Сейчас он уже жалел, что завёл этот разговор.

– В тебе первосортная магия. Для тебя практически нет препятствий в этом мире – нужно лишь пораскинуть мозгами и придумать способ, как с помощью своей силы решить проблему.

– Прости, я всё время забываю, кто я теперь, – Тартанов потёр переносицу.

– Я вижу, да. Ты Страж. И чем быстрее ты привыкнешь к этой мысли, тем проще тебе будет выполнить миссию, – Сказочник похлопал племянника по плечу, но в этом жесте уже не было той снисходительности, как раньше. Теперь в этом чувствовалось признание равного. – Для начала откажись от этих своих «здравствуйте» и «извините».

– Страж должен быть хамом? – возмутился Женька.

– Нет, но ты упускаешь один важный момент: не все драконы признают себя таковыми. Даже если они знают о своей сущности, бывает, что они считают себя всё-таки людьми. Людьми с необычными способностями. Поэтому уважения к себе, как к Стражу, от них не жди. Зато их очень впечатлит демонстрация силы и загадочность. Люди – слабые существа, их пугает всё, чего они не понимают. А если это непонятное ещё и сильнее их, они падают этому в ноги.

Поэтому тебе надо быть жёстким с ними: не сюсюкай, не извиняйся, не улыбайся. Ты древний воин, посланник Повелителей, вот и веди себя как посланник, а не как разносчик пиццы.

Женька слушал, покусывая губы. Сказочник говорил правильные вещи, вот только быть жёстким Тартанов не умел. Это получалось только в экстремальных ситуациях, когда ему самому или его близким грозила опасность. А в обычных обстоятельствах он как раз вёл себя вежливо и мягко. Сказочник называл это слюнтяйством, но становиться таким, как Вергилий, Тартанов не хотел. Он решил для себя, что оставит всё как есть, а дяде пообещает измениться.

– Раз уж мы заговорили о том, как тебе вести себя, то не вздумай опускаться до ярмарочных фокусов! – продолжал Сказочник, не обращая внимания на задумчиво-отстранённый взгляд племянника. – Некоторые драконы не верят в Стражей, считая их фольклорными персонажами, поэтому они будут требовать от тебя доказательств. Не поддавайся на эти провокации. Лучше пусть Фома останется неверующим, чем твои фокусы выдадут твоё присутствие лигам.

– Я понимаю, дядя. Я не дурак!

– Вообще, постарайся поменьше отсвечивать на чужой территории...

– Даже если речь будет идти о спасении жизни человека или другого дракона?

– На людей не обращай внимания! – тьма под капюшоном Сказочника грозно сгустилась. – Их жизнями занимаются ловцы и планировщики, поэтому не суйся в их дела. Твоё благородство всё равно никто не оценит. Да и в вопросы жизни и смерти драконов тоже не суйся. Лучше пожертвовать одним соплеменником, чем рассекретить себя.

Женька поморщился: дядя затронул болезненную для него тему.

– Не криви лицо, Женья! Ты прекрасно понимаешь, что в таких глобальных миссиях, как эта, невозможно обойтись без жертв – случайных или намеренных. Ты подписался на этот поход, так что прими свою судьбу со всеми её плюсами и минусами. Дерево свободы должно время от времени омыться кровью патриотов.

В груди у Женьки защемило. Патриоты, возможно, и должны гибнуть за свободу своего народа, но чем оправдать случайные жертвы на его пути? Лаборант Стас, Белка, сатанист в Ховринке, два с лишним десятка охранников Башни, несколько бойцов Вергилия, машины которых огненными залпами Женька сбивал с дороги, и те переворачивались и улетали в кювет, калеча и наверняка убивая своих пассажиров. Сколько ещё жизней сожрёт его могущество на пути к цели?

Тартанов совсем сник. Сказочник недовольно нахмурился, постукивая пальцами по столу, а потом тоном человека, принявшего сложное решение, произнёс:

– Тебе нужен капюшон, как у меня, или маска. Никто не должен отнимать твою силу.

– Считаешь, в таком виде я меньше внимания привлеку? – усмехнулся Тартанов.

– Ты симпатичный, Женья, как и я, а такие лица особенно сильно запоминаются.

– Я симпатичный? – Женька почувствовал, как к щекам приливает кровь. – Ну ты и балабол! У меня самая заурядная внешность. Красавчик у нас Максик.

– У тебя очень выразительные глаза, – не сдавался Сказочник. – Они западают в душу. Люди и драконы будут то и дело прокручивать твой образ в голове, отнимая твою силу.

– В маске я точно ходить не буду. Я ведь не Бэтмен и не грабитель.

– Ладно, вернёмся к этому разговору позже. А сейчас давай поговорим по существу, – дядя ткнул пальцем в карту. – Здесь живут братья Шубашичи. Они должны стать первым пунктом твоего плана. Один колдун, другой кузнец, и оба – непревзойдённые мастера своего дела. Лучше них я не нашёл никого на той территории маргов. Старший, Горан, в опале у короля Греуса, живёт в захолустье, старается не высовываться. Но полагаю, что он не против сместить богов, ведь тогда и Греус потеряет власть.

– Надеюсь, мне не придётся по пути свергать и того короля...

– Надеюсь, что до этого не дойдёт. Сам в революции не влезай, но если обнаружишь повстанческое движение, то лучше перетянуть их на свою сторону. Революционеры, как правило, спят и видят погибнуть ради высокой цели, так что среди них можешь найти неплохих воинов. Их там, в принципе, много, но таких первоклассных, как Беша, я не встречал. Это и хорошо, и плохо одновременно. Хорошо потому, что тебе такие воины будут по зубам и без магии. А плохо – потому что и богам они тоже по зубам. Поэтому в поиске бойцов ориентируйся по ситуации.

И помни: в Штатах почти все драконы лояльны к лигам. Найти таких, которые бы пошли против системы, довольно сложно. Король, как ты уже понял, тебе тоже не помощник. Скорее, наоборот: он будет всячески препятствовать в твоём деле. Он параноик, поэтому у него везде шпионы и мощная армия, готовая встать в ружьё по первому сигналу. Постарайся с ним не контактировать. Я понимаю, что это вряд ли возможно, учитывая твою миссию, но чем позже ты встретишься с Греусом, тем лучше для тебя.

– Неспокойное там местечко, да? – хмыкнул Женька. – А эти... Шубаничи...

– Шубашичи.

– Да, точно. Они помогут мне найти воинов? Или я должен это делать сам?

– В принципе, да, могут. Там есть ещё королева. Она первый претендент на трон после смерти Греуса. Естественно, он её не любит и даже боится, но поскольку королева довольно известная медийная личность, он не решается её трогать. В тех краях убийство любого дракона, кроме воина, жестоко карается. Плюс ко всему королеве симпатизирует большинство драконов, и если бы король избирался, то на престол однозначно взошла бы Мэй. Этот факт тоже сдерживает Греуса. Скажем так, у них с Мэй двусторонний пакт о ненападении: она не устраивает революций, он позволяет ей заниматься журналистикой.

– Она журналист?! – то ли обрадовался, то ли удивился Тартанов.

– Нет, но она глава медийного холдинга. У них два телеканала: новостной и спортивный – и несколько журналов разной направленности.

– Хороший способ быть в курсе событий.

– С этой королевой тебе бы стоило подружиться. Во-первых, у неё большая паутина связей и толпа поклонников, которые почтут за честь послужить королеве. Во-вторых, Греус не молод и трон вот-вот освободится. Поэтому тебе выгоднее быть в ладах с новой властью. Мэй очень умная и адекватная женщина, поэтому с ней не стоит хитрить. Будь с ней честен – и она поможет тебе, даже не будучи на троне. А уж когда на него взойдёт, то вообще станет твоей правой рукой.

– Слишком много «если». Планы, в которых больше одного пункта зависит от обстоятельств, обречены на провал.

– Это пока ещё не план. Я просто обрисовываю положение вещей. Как использовать их в свою пользу – решай сам, – Сказочник снова обратился к карте. – Вот теперь возьмёмся за план. Куантико – небольшой городок в Вирджинии с населением в полтысячи человек. Практически деревня. Здесь расположены учебный центр ФБР, управление по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, самая крупная военно-морская база США и ещё куча мелких, но военизированных управлений. Как думаешь почему?

– Они там что-то прячут. Ключи, как я понимаю. Иначе бы ты не заговорил об этом городке.

– Именно. Ведомства госбезопасности при поддержке армии. Здесь есть бункер, который и предназначен для хранения таких вот вещей. Его местоположение, естественно, засекречено, и он охраняется так, что там муха не пролетит. Кроме того, на территории всей базы нанесены символы защиты от магии. Возможно, твоей мощи и хватит, чтобы игнорировать защиту, но вот обычным драконам там не применить ни одно из своих умений. Марги подстраховались ещё и тем, что все сотрудники баз – от генералов до уборщиков – имеют не видимую обычным

глазом метку. Она защищает и людей, и драконов, которые там работают, от любого магического воздействия. Таким образом, даже выходя за пределы безопасной территории, они остаются неуязвимыми для гипноза, усыпления и прочих наших штук.

– Класс! А ты говорил, что достать ключи будет просто.

– Если знать слабое место этой цитадели, то миссия станет не такой уж невыполнимой, – Сказочник улыбнулся и выдержал паузу, глядя на племянника. – Паника! Суматоха. Нестандартная ситуация. Военные имеют чёткие протоколы для наиболее вероятных сценариев внештатных ситуаций: вооружённого нападения, стихийного бедствия, энергетического кризиса и так далее. Но если создать ситуацию, которую трудно контролировать, то рано или поздно начнётся неразбериха. И в этом бедламе проникнуть в бункер намного проще.

– У тебя есть пример такой ситуации?

– Пожар. Его трудно контролировать – это раз. Во-вторых, его эпицентр и скорость распространения могут вызвать угрозу новой катастрофы, и это создаст панику. В-третьих, локализация пожара требует специализированной помощи, а значит, на территорию базы могут беспрепятственно проникнуть посторонние. К тому же пожарная форма спасает от идентификации: ни лиц, ни отпечатков пальцев.

– Простой пожар легко локализовать, значит, тут нужен особый огонь, не так ли? – Женька потёр подбородок. – Но ты сказал, что магией там не воспользоваться!

– Для чего же я тебе дал координаты лучшего колдуна? – дядя довольно ухмыльнулся. – Горан Шубашич гений химии и биологии. Ему по силам устроить пожар, который сможете контролировать только вы. А его брат Златан – гениальный оружейник и электронщик. Он поможет справиться с умной защитой бункера. Теоретически всю операцию вы можете перевернуть втроём, но лучше всё-таки завербовать парочку воинов, чтобы обеспечить прикрытие творческим личностям.

Женька облизнул губы, глядя на карту. Точка, обведённая красным фломастером, – такая маленькая, но таившая в себе столько опасностей, трудностей и неопровержимых смертей.

– Догадываюсь, о чём ты думаешь, – Сказочник заговорил неожиданно тихо, даже вкрадчиво. – О поломанных судьбах и о жертвах. За людей не волнуйся. Ты знаешь об их душах больше, чем они. Ловцы соберут их все, а планировщики найдут новые тела.

– Но близкие погибших... они же не знают этого, – Женька прерывисто вздохнул. – Я сам пережил несколько потерь. Поверь, это очень больно. Я не хочу причинять такую же боль другим.

– Не сопротивляйся своей судьбе – она всё равно тебя настигнет, – Сказочник положил руку племяннику на плечо. – Разве ты ещё не понял этого?

Тартанов закрыл лицо ладонями, а потом медленно опустил их, словно смывая с себя тягостные мысли.

– Этот выбор сделал не ты, но только тебе дано его исполнить.

– Кто сделал его за меня? Лиги? Повелители? Кто?!

Сказочник ответил не сразу: несколько секунд он молчал, опустив голову. Может, не хотел раньше времени раскрывать карты, а может, просто боялся в чём-то признаться. Наконец, Женька услышал его голос:

– Думаю, Лада его сделала. Она сделала этот выбор за вас.

– Мама? – глаза Женьки широко распахнулись, а Сказочник заговорил – с жаром, слегка повысив тон, как будто боялся, что не успеет поделиться знаниями. – Она создала вас идеальными – каждого для своей сферы. Тебе по силам управлять древней магией, Максим вынужден биться с внутренним монстром, и как только одолеет его – станет несокрушимым воином, которому по зубам любая тварь. У Владимира есть чутьё на лиг, и он сможет одолеть целую их армию.

– Да, я помню ту ночную битву, когда два бога, один из которых баба, надели на моего брата ошейник, как на какого-то бешеного пса, и утащили с собой! – вспыхнул Женька. – Манул рассказал, что с ним делали лиги. Не очень-то Вовке помогло его чутьё и сила.

– Наполеон, например, не доверял полководцам, которые не проиграли ни одного сражения, – Сказочник подошёл к полке с книгами и вынул оттуда одну в старом кожаном переплёте, кое-где потрескавшемся от старости. – Не думал, что ты настолько не веришь в старшего брата. Вот, почитай о лигах. Узнаешь, кого называют охотниками, а кого ангелами, и чем архангел отличается от серафима.

– Зачем мне это?

– Затем, чтобы понять, почему на поимку, как ты говоришь, двух посредственных драконов и одного пятнадцатилетнего раненого пацана отправили не ангела и даже не архангела, а сразу серафима, – Сказочник сунул книгу Женьке. – Ты ведь помнишь ваше сражение с ним под Гречем?

Тартанов взял книгу, не сводя с дяди напряжённого взгляда:

– Вовка сказал, что это был обычный ангел.

– Это в духе твоего брата: приуменьшить миновавшую и преувеличить грядущую опасность, чтобы ты не расслаблялся, – Сказочник достал ещё одну книгу. – Вы там так отчаянно бились, что я раздумал вмешиваться. Я уже тогда всё понял про Владимира. Понял, что у него есть сила, способная сокрушить любого из лиг – хоть даже престола или Ахерона, – дядя положил книгу на стол. – На, изучи своего врага. Да и брата лучше поймёшь.

– А с этим, – Женька кивнул на карту, – мы уже закончили?

– У тебя остались какие-то вопросы? – Сказочник опустил в кресло.

– Когда ключи будут у меня, что делать дальше?

– Вернёшься с ними сюда. Мы с тобой назначим день, когда оба пойдём к Вратам. Открывать их лучше одновременно, поэтому операцию лучше планировать за день или за два до времени Икс. Торопиться с этим не следует: лучше всё как следует подготовить и выйти из заваздушки живым. Ты ведь хочешь ещё увидеться с братьями?

Женька шумно выдохнул и взял со стола вторую книгу:

– Изучу матчасть. Ты не против?

Профессор

Эшвилл оказался на удивление уютным городком. Он лежал в центре горного массива Блю-Ридж-Маунтинз, поэтому в нём не было ни одной прямой улицы. Они изгибались, извивались, вздыбливались, падали, скручивались – словом, являли картину отчаянных попыток человека усмирить природу. Прежде чем отправиться к дому Горана Шубашича, Женька не отказал себе в удовольствии погулять по узким и непокорным улочкам Эшвилла. Бывало, что одна сторона улицы выгибалась холмом, нависала над пешеходной зоной, а другая, наоборот, уходила вниз, открывая вид на живописный сквер или суровую стену хвойного леса. Практически все дома утопали в зелени, и она скрывала некоторую кособокость строений: из-за неровности ландшафта одна сторона фундамента всегда была больше противоположной. Иногда эта разница выливалась в полноценный этаж.

Шагая по Эшвиллу, Женька невольно вспоминал их с Вовкой путешествия. Не важно, куда они ехали – к Горынычу за новыми документами или в Болгарию за Максином, – старший брат всегда находил время остановиться и полюбоваться красотами. Было ли это потребностью его творческой, созидающей натуры, доставшейся от мамы, или им владело обычное рациональное стремление одним выстрелом убить двух зайцев – совместить полезное с приятным?

Через два часа Тартанов по крутым поворотам Пирсон-драйв приближался к дому Горана Шубашича. Каменный двухэтажный красавец, покрашенный в приятный изумрудный цвет, располагался на крутом холме, поэтому с одной стороны фундамент врезался в скалистую почву, а с другой – опускался дополнительным этажом к подъездной дорожке, проходившей слева от дома. Белые наличники, стойки и перила веранды, косяки входной двери придавали ему стройности и строгости, как и отсутствие клумб, садовых гномов, поливальных установок и прочих бытовых мелочей, прочно прижившихся в домах американцев. Слева по внешнему краю подъездной дорожки шёл плотный забор из живой изгороди, а за ним лесистая часть холма резко уходила вниз и нависала обрывом над очередным витком Пирсон-драйв. Справа – пара десятков сосен и вязов отделяла дом от соседского, а от проезжей части его отгораживал забор, выкованный из тонких прутьев в виде деревьев. В переплетении их ветвей поблёскивали тонкие металлические листочки, зрели увесистые чугунные плоды, вили гнёзда железные птицы и прятались стальные чудовища. Настоящий сказочный лес!

Женька невольно залюбовался конструкцией: дядя не ошибся насчёт таланта кузнеца Шубашича, пусть даже его работы украшают дом его брата-колдуна. И сразу же пришла мысль: мог бы Вовка создать нечто подобное? В планековки оружия ему не было равных, но выковать такую волшебную ограду – умение совершенно иного уровня.

Тартанов поднялся на крыльцо и позвонил. По комнатам разлилась приятная мелодия, будто кто-то ненадолго врубил стереосистему на полную катушку.

Дверь открыла симпатичная женщина лет сорока с длинными тёмными волосами. Казалось, она собиралась на какое-то торжество: на ней была цветастая блузка и лёгкие шифоновые брюки персикового цвета. Женька скользнул по ней беглым взглядом, но даже этого хватило, чтобы увидеть: из правой штанины торчал протез. Тартанову всегда было неловко в присутствии людей с какими-то увечьями. Ему казалось, что невежливо смотреть на это, хотя парализованные конечности, ожоги, протезы, пустые рукава, уродливые шрамы так и притягивали взгляд. С другой стороны, ему казалось, что такой подход обижает человека: все отводят глаза, как будто шрам делает его носителя изгоем, ставит в один ряд с прокажёнными или рассказывает историю страшного наказания. Это состояние стыдливости за излишнее внимание к увечью и чувства вины за то, что сам ты здоров и полон сил, всегда терзало Женьку. Не зная, как себя правильно вести в такой ситуации, он метался от одной линии к другой и тем самым только усугублял положение.

Поэтому сейчас он призвал на помощь всё своё обаяние, улыбнулся (американцы любят доброжелательных людей) и спросил:

– Миссис Шубашич?

Сказочник оказался прав: даже произнесённые по-русски, эти слова оказались понятны драконессе, говорящей по-английски.

– Да. Что-то случилось?

– Могу я поговорить с Гораном Шубашичем?

– Теоретически – можете, – кивнула женщина. – Практически – вряд ли. Он сейчас в колледже.

– Но ведь летом нет занятий.

– Занятий нет, но работа есть. Кстати, вы не сказали, как вас зовут.

– Простите, это невежливо с моей стороны, – смутился Женька. – Меня зовут Тар, я приехал из... из другой страны специально к вашему мужу.

– Вот как? Что вас привело сюда?

– У нас совпадают темы научных изысканий, и я хотел предложить ему совместно поработать над проблемой.

– Тогда с ним тем более лучше встречаться в колледже.

– Расскажите, как туда проехать.

– Проехать? – миссис Шубашич глянула через плечо гостя. – Но я не вижу вашей машины!

– Я... не очень хороший водитель, поэтому проскочил поворот на Пирсон-драйв. Ваши правила дорожного движения я знаю плохо и на дороге чувствую себя не очень уютно, поэтому чтобы не крутиться на шоссе, я бросил машину на обочине и поднялся сюда пешком.

Миссис Шубашич внимательно всматривалась в него, словно тестировала. В её взгляде едва угадывалась тревога – за мужа, который водит знакомство со странными личностями, и за себя, которой придётся вытаскивать семью из передраги. Женское чутьё ей подсказывало, что этот миловидно улыбающийся парень из «другой страны», который сейчас стоял на пороге её дома, принёс в дом опасность, но в чём именно эта опасность заключалась, она пока не могла понять.

Пауза затягивалась, и необходимо было срочно разрядить обстановку.

– Зайдите! Я покажу вам карту.

Женька нерешительно переступил порог. Ему не нравилось, что знакомство с семьёй Шубашичей началось с жены Горана, а не с него самого. Он ругал себя за поспешность: мог бы понаблюдать за жилищем день-другой, выяснить маршрут Горана, время, когда он покидает дом и когда возвращается, и встретиться с ним в удобном месте и в удобное время. Вместо этого Тартанов, исполненный жаждой деятельности и сбитый с конспиративного настроения красотами Эшвилла, пошёл напролом. И теперь, хочешь – не хочешь, миссис Шубашич будет фигурировать в их проекте.

– Предложить вам кофе или лимонад?

– Спасибо, но простой воды будет достаточно: у меня аллергия на лимонад, – Женька прошёл на кухню вслед за хозяйкой и присел на деревянный, крашенный белой краской стул.

Кухня была оформлена очень просто – деревянная, выкрашенная в белый цвет мебель, массивный стол, крупные стулья, как будто сколоченные в прошлом веке. Холодильник в этой атмосфере колониальной самобытности смотрелся заморским гостем.

– Если не секрет, откуда вы узнали о Горане? – мягко поинтересовалась миссис Шубашич, вынимая из навесного шкафа стакан. – Он не говорил, что публиковал где-то свои работы.

Женька ждал этого вопроса. Они со Сказочником обсуждали, как лучше начинать разговоры с будущими соратниками и их окружением, как и на какие вопросы отвечать, какую информацию можно выдавать сразу, а с какой стоит повременить. Тартанов уже открыл рот,

чтобы произнести заготовленную на такой случай фразу, как в кухню с визгом ворвались дети. Женька непроизвольно вздрогнул от неожиданности: их приближения ничего не предвещало, хотя они вбежали довольно стремительно. Такое ощущение, что они подкрались к дверям на цыпочках, а потом ринулись с шумовой атакой.

Это были две девочки примерно семи и четырёх лет. Старшая – настоящая принцесса с кудрявыми белокурыми волосами, большими зелёными глазами, с аккуратным носиком и ровно очерченными губками. Она была в сиреневом платье и белых колготках, несмотря на жару. Тёмно-розовые лакированные туфельки постукивали каблучками по деревянному полу. Младшая проигрывала на её фоне: девочка с короткой, как после тифа, стрижкой и неправильными чертами лица, одетая в длинную, как будто купленную на вырост футболку, из-под которой едва выглядывали джинсовые шорты. Однако девочка обладала цепким взглядом. Казалось, она смотрит прямо в душу, разглядывая все её тёмные уголки и страшные тайны.

– Привет! – подмигнул детям Женька.

– Приве-ет, – жеманно поджав губки, протянула старшая. – Я Мишель, а ты?

– Меня зовут Тар, – Женька перевёл взгляд на младшую девочку. – А как твоё имя?

– Он говорит на другом языке, – вместо ответа произнесла та, обращаясь к матери.

– На каком бы языке он ни говорил, не здороваться невежливо, – терпеливо пояснила миссис Шубашич, наливая в стакан воду из графина.

– У него рука в ожогах! Он колдун! – упрямилась девочка.

– Лекарь, вообще-то, – поправил её Женька. – Эти ожоги – напоминание о том, что я так и не смог вылечить одного человека.

– Он умер?! – глаза девочки широко распахнулись.

– К сожалению, да. И в наказание за это я получил эти шрамы.

– Сарисса, ты очень любопытная, – миссис Шубашич бросила на дочь укоризненный взгляд и обратилась к её сестре: – Мишель, заberi её. Поиграйте наверху.

Принцесса не без удовольствия взяла младшую за руку и потащила за собой.

– Прошу прощения, у неё сейчас такой возраст... – хозяйка дома протянула гостю стакан. – Так как вы вышли на Горана?

– Он сам связался со мной, сказал, что у нас похожи темы, предложил сотрудничать, – после допроса Сариссы Женька не сразу вернул себе невозмутимое состояние. – Какое-то время мы переписывались, а потом Горан вдруг пропал. Перестал отвечать на письма и смски, удалил свой аккаунт из Скайпа. Я уже решил, что с ним случилось что-то плохое. Ну знаете... тяжёлая болезнь или несчастный случай... Но потом с его номера пришла смс-ка. В ней значился ваш адрес. Я расценил это как предложение приехать.

– То есть вы никогда воочию не встречались с моим мужем?

– К сожалению, нет.

– Тогда вас ждёт большой сюрприз, – миссис Шубашич загадочно улыбнулась. – Я принесу карту.

Этот дом Женька покидал в смущении. Принцесса вместе с матерью вышла на крыльцо проводить гостя: посылала ему томные взгляды, махала ручкой, надувала губки. Сарисса наблюдала за этим из окна второго этажа, плотно сжав губы и сдвинув брови. Тартанов, который легко находил контакт с детьми и животными (в основном из-за своей бывшей ипостаси лекаря), был обескуражен таким отношением маленькой девочки. Может, её напугала энергия меча, которой был наполнен гость? Может, она видела в нём то, что не видели другие, и в том числе он сам?

Женька шёл до поворота, не оглядываясь. Но даже тогда, когда улица почти на сто восемьдесят градусов вильнула вправо и пышные кусты скрыли его от взглядов провожаю-

ших, он остановился, но так и не решился повернуть голову и посмотреть на дом. Казалось, Сарисса всё ещё там, в окне, сверлит рентгеновским взглядом крону деревьев, надеясь разглядеть странного гостя с ожогом на руке. Чтобы быстрее избавиться от этого чувства, Женька сделал шаг и перенёсся к колледжу Уоррена Уилсона.

Теперь ему не надо было зрительно представлять конечный пункт телепортации. Сказочник научил его переноситься в место, определённое любым критерием – географическими координатами, названием улицы, близким расположением какого-то примечательного объекта, например, памятника. Это открывало новые возможности и расширяло горизонты во всех смыслах этого выражения. И Женька без труда перенёсся к главным воротам колледжа.

Учебное заведение занимало большую территорию. На въезде стояла полутораметровая гранитная мемориальная табличка, рассказывающая о дате основания колледжа и о направленности его образовательной деятельности. Женька не стал углубляться в чтение – направился по дороге, петляющей между сосен, за которыми прятались домики разной величины и разного возраста. Были среди них деревянные двухэтажные строения, потемневшие от времени, оплетённые тенётами и присыпанные хвоей. Попадались и каменные двух- и трёхэтажные дома – с массивными фундаментами, стильной отделкой, тарелками антенн на крышах. Кампус больше напоминал туристическую базу на берегу озера, нежели учебное заведение.

Кабинет Горана Шубашича, которого работник кампуса, рассказывающий Женьке дорогу, называл не иначе как профессором, располагался в дальнем крыле второго учебного корпуса. Оказалось, что Тартанов миновал его, не заметив среди зарослей стену из серого камня. Стена принадлежала ближнему крылу, но уверенная тропка в обход объездной асфальтовой дороги привела гостя прямо сквозь колючие кусты к крылу дальнему. Пройдя через двустворчатую стеклянную дверь, Женька оказался в холле, из которого расходились три коридора. Левый соединял здание с ближним крылом, правый был короткий и упирался в двери библиотеки. Тот же, что располагался прямо, вёл в глубь строения, и туда направился Женька.

Нужную дверь он нашёл с третьей попытки: кружа по коридорам, холлам и рекреациями, он не сразу заметил проход в небольшой закуток, заканчивающийся дверью одного цвета со стеной. Вместо таблички с именем и должностью, как у других преподавателей, к ней скотчем был приклеен листок формата А4, где от руки фломастером было написано: «Не входить! Опасно для жизни!». Снизу кто-то приписал чёрной гелевой ручкой «Профессор жрёт крыс и стесняется этого». Подпись была сделана явно студентами, значит, листок висел тут с самого семестра. Женька постучал, но ему никто не ответил. Лишь после второй попытки из-за двери донеслось: «Можно!», и Тартанов толкнул дверь.

Кабинет преподавателя химии и биологии не походил на кабинет – больше на лабораторию. Вдоль стен – стеллажи с реагентами и банками с ящерицами и лягушками в формалине, посередине – несколько железных несгораемых столов с надставками, в которых стояла лабораторная посуда и приспособления для проведения опытов – реторты, горелки, весы, штативы, колбы, чаши, батареи мензурок, пипетки, щипцы и прочее. И в самом дальнем углу – письменный стол, так заваленный бумагами, что на нём не сразу был замечен монитор компьютера. Рядом со столом стоял такой же незаметный и невысокий мужчина лет тридцати пяти. У него было простое, обаятельное лицо, усыпанное веснушками, светлые взъерошенные волосы, добрые глаза с чуть опущенными уголками. На нём был светло-голубой лаборантский халат, застёгнутый на все пуговицы, и светло-голубые джинсы, и от этого преподаватель напоминал хирурга.

– Мистер Шубашич? – сделав шаг навстречу, уточнил Женька, хотя понятно было, что этот парень является отцом принцессы.

– Вы по поводу поступления? – тот слегка наклонил голову набок.

– Нет. Я хотел бы поговорить насчёт...

– Оборудования? Вам придётся всё-таки встретиться с мистером Куком, потому что всеми закупками распоряжается он.

– Нет, я не по поводу оборудования.

– Что-то не так с анализами?

– Анализами?

– Вы не из клиники? – смутился преподаватель. – Простите, я перебиваю вас постоянно. Так неудобно получилось. Я вас слушаю!

– Я пришёл поговорить о вашей работе.

– Вы из университета Гринсборо? – не вытерпел мистер Шубашич.

– Давайте уже закончим эту угадку! – оборвал его Женька, и Горан примирительно поднял руки вверх. – Я пришёл поговорить о вашем исследовании.

Мистер Шубашич чуть смежил глаза, не спуская с незнакомца настороженного взгляда.

– Растипизация диметиламиноэтанола в агрессивных средах и сверхвысоких температурах, – Тартанов мысленно похвалил себя, что без запинки выговорил это название, иначе эффект получился бы смазанным.

– Растипизация? – по лицу Шубашича блуждала рассеянная улыбка.

– Это ведь ваш термин! Вы придумали его, чтобы завуалировать слово «олий»...

Улыбка тут же сошла с лица преподавателя. Он сделал инстинктивный шаг назад и наткнулся на свой стол:

– Кто вы?

– Я Страж, Горан! И я пришёл к тебе, чтобы ты исполнил свой долг.

Мужчина молчал, вцепившись в край стола за своей спиной. Молчал и Женька, ожидая реакции собеседника.

– У меня есть какой-то долг? – светлые брови Шубашича устремились к переносице. – Я не совсем понимаю...

От волнения он задел одну из папок, и ворох бумаг съехал с неё на пол с оптимистичным «пфш-ш-ш».

– Дьявол! – от души выдохнул преподаватель и поспешил извиниться. Он присел на корточки, собирая листы и бормоча проклятия. Несколько секунд Женька наблюдал за его макушкой, хаотично погружавшейся и выныривавшей в проходе, но чувство неловкости взяло верх, и он ринулся на помощь. Однако стоило Тартанову сделать шаг, как биолог резко выпрямился. В руках у него был пистолет. Женька озадаченно замер. Видимо, это имела в виду миссис Шубашич, когда говорила, что его ждёт сюрприз.

– Убирайся! Я считаю до трёх! – сквозь зубы процедил Шубашич. – Раз!

– Ты меня с кем-то путаешь!

– Я предупредил Киора: если он пришлёт ко мне своих шавок, я буду стрелять без предупреждения, – Шубашич был полон решимости, и Женька ни секунды не сомневался, что тот может нажать на спусковой крючок. – Так что я делаю тебе одолжение, позволяя свалить подобру-поздорову. Два!

– Хорошо. Три! – закончил Женька и вскинул руку. С неё метнулась алая молния, которая выбила оружие из рук биолога.

Всё это произошло так быстро, что Горан вряд ли понял, что именно разоружило его.

– Теперь давай скинь на пол ещё одну стопку и достань второй ствол, – поддел его Женька.

Горан смотрел на него со смесью страха и ненависти.

– Что, нет второй пушки? – хмыкнул Тартанов. – Я не шавка Киора, Горан. Я Страж драконов, хранитель меча Руала. Мне нужна твоя помощь. Поэтому я здесь.

– Руала? – эхом повторил Шубашич.

Вместо ответа Женька развернул правую ладонь к собеседнику.

– Что это? – поморщился тот. – Ожог?

– Это печать Повелителя, – Тартанов был несколько раздосадован, что биолог не понял сути метки. – Она позволяет мне носить его меч.

Горан недоверчиво покосился на ожог и ещё раз уточнил:

– Так кто тебя прислал?

– Я сам нашёл тебя. По рекомендации друга.

– Какого?

– Вряд ли ты с ним знаком. Его зовут Сказочник. Он сказал мне, что на всей территории маргов ты колдун самой высшей пробы, – Женька присел на край одного из лабораторных столов, чтобы снять напряжённость, которая сквозила в позах и жестах двух драконов. – Он рассказал мне про твою работу. Я знаю, что ты нашёл способ нейтрализовать олий, практически выделил антидот к нему, но лигам, естественно, твои изыскания не понравились. Они надавили на Греуса, и тот разгромил твою лабораторию в Квебеке, уничтожил все записи.

– Да, мог бы и убить, – вздохнул Горан и тоже сел, только не на край стола, а на крутящееся кресло. – Мне думается, он сохранил мне жизнь на тот случай, если ему самому потребуется антидот к олию.

– Безусловно, – кивнул Женька, – но я здесь не из-за олия, хотя мне очень нравится твоя идея с антидотом.

– Что же привело тебя к опальному учёному? – Горан сложил ладони вместе и сунул их между колен. – Я лишился лаборатории, всех своих работ. У меня нет даже реактивов. Я теперь просто преподаю химию.

– Во время каникул?

Шубашич прикрыл глаза и шумно выдохнул, надув губы совсем как Мишель:

– Я занимаюсь с двумя студентами. Они серьёзно увлечены наукой и приходят ко мне на консультации или для проведения опытов. Да, колледж готов предоставлять учебные помещения во внеучебное время.

– Стало быть, ты тут ждёшь студентов? Во сколько они придут?

– Сегодня не придут. Я зашёл, чтобы скинуть на флэшку кое-какие расчёты и дома проверить их.

– И для этого переоделся в лаборантский халат?

– Короче, что ты хочешь от меня? – не выдержал Шубашич, повысив голос.

– Хочу предложить поучаствовать в одной аванюре, – Женька скрестил руки на груди. – Авантюра даже не государственного, а вселенского масштаба.

– Ого! – биолог присвистнул. – Я не сотрудничаю с террористами.

– Похвально! И продолжай в том же духе. Но я хочу предложить тебе поучаствовать в похищении древнего артефакта.

– Какого?

– Этого пока не могу сказать. Ты же не дал согласие, значит, я пока не могу тебе доверять.

– Как я могу дать согласие, если не знаю, на что подписываюсь, – упираясь ногами в пол, Горан медленно покручивался на кресле в одну и в другую сторону.

– Скажем так: этот артефакт позволит освободить драконов от власти лиг.

На этот раз Горан задумался надолго. Он сверлил визитёра напряжённым взглядом, покусывая верхнюю губу, и это придавало его веснушчатому лицу детскости.

– Уж не ключи ли от Врат ты хочешь украсть? – наконец, выдал он.

Женька не отвечал. Не дождавшись реплики, Горан снова подал голос:

– Всего два вопроса: как ты можешь гарантировать безопасность моей семьи и какого результата хочешь добиться?

– Твою семью придётся увезти отсюда и укрыть в безопасном месте на время операции. Это единственное, что я могу предложить. Но более всего безопасность твою и твоей семьи будет гарантировать достижение нашей цели. Когда мы освободимся от власти лиг, они какое-

то время будут сопротивляться, а значит, потребность в антидоте к олию возрастёт. Твои знания сделают тебя бесценным, и твоя безопасность станет первостепенной задачей для драконов.

Шубашич покачал головой и потёр ладони друг о друга:

– Сколько у меня времени на размышление?

– Думай до полуночи.

– А в полночь ты явишься ко мне в чёрном балахоне?

– Я позвоню тебе, – Женька вынул из кармана одноразовый сотовый телефон и положил на стол рядом с собой. – Сразу предупрежу, что в нашей команде я хочу видеть и твоего брата Златана. Возможно, это поможет тебе в принятии решения.

Тартанов направился к двери, но когда он уже переступил порог, Горан окликнул его:

– Эй, Страж!

Женька повернулся в дверях, вопросительно подняв брови.

– Я согласен! – Шубашич хлопнул себя по коленям.

– У тебя есть время подумать, – подражая Сказочнику, ответил Женька.

– Нет нужды. Я принял решение.

– Я позвоню в полночь, – Тартанов вышел.

– погоди! Эй! – Шубашич сорвался вслед за ним. – Как тебя хоть зовут?

Но коридор и холл были пусты. Ничего здесь не выдавало недавнего присутствия незнакомца. Так быстро покинуть здание он просто не мог!

– Что за день сегодня? – вздохнул Горан и вернулся в лабораторию.

Команда

Женька стоял за поворотом, там, где Пирсон-драйв, спускаясь от дома Шубашичей, круто сворачивала вправо и вниз и вливалась в шоссе. Он сам настоял на этом месте встречи, хотя Горан приглашал его в дом.

– У меня нет тайн от Шерил, – шипел он в телефон, когда Тартанов позвонил ему ночью. – Если она что-то заподозрит, то всё пропало.

– Пока ты не вошёл в дело, я не могу рисковать, – стоял на своём Женька. – И подводить твою семью под удар тоже.

На самом деле, и ему стыдно было в этом признаться не только Горану, но и самому себе, он боялся встречи с Сариссой. Эта четырёхлетняя козявка что-то видела в нём, что-то предчувствовала, и от этого Женьке было не по себе: о чём умолчал Сказочник, вербуя его на роль Стража? Или, может, он пытался предупредить Женьку об этом, настаивая, чтобы тот принял свою судьбу, какие бы жестокие и уродливые формы она ни принимала? Тартанов мучился догадками и неопределённостью, которую поселила в его сердце Сарисса. Эта девчонка, без сомнения, могла подвергнуть опасности всю операцию. Женька решил поговорить об этом с Гораном, когда тот с братом уже стопроцентно войдёт в дело.

А сейчас он стоял за поворотом, ожидая, когда Шубашич отъедет от дома, чтобы незамеченным для Шерил сесть в его машину.

Горан в то утро был какой-то торжественный и даже немного возбуждённый, словно собирався на глазах у многотысячной толпы свершить невозможное.

– Ты предупредил брата, что мы приедем? – спросил Женька, когда они вырулили на шоссе.

– Н-нет... Лучше без подготовки, – Горан улыбался, но его губы нервно подрагивали. – Просто приедем и поставим его перед фактом.

– Златан всегда делает то, что ты скажешь?

– Не всегда. Но так будет проще. Доверься мне!

Женька умолк, разглядывая в окно живописные окрестности. Тишину нарушил Шубашич.

– Куда ты исчез вчера? Ты ведь не мог так быстро пересечь коридор!

– Про телепортацию слышал что-нибудь? – Тартанов повернулся к нему, ожидая обиженной или пренебрежительной реплики, но встретился со взглядом, полным удивления.

– Телепортация? Как такое возможно?

– Разве у вас драконы не владеют такой техникой? – теперь настала Женькина очередь удивляться.

– Что? Нет! Если бы умели... Я был уверен, что телепортация – это фантастика.

– Тогда тебя ждёт много открытий, – Женька снова уставился в окно.

Его удручало незнание Шубашича таких привычных для Тартанова вещей, как перемещение в пространстве. Может ли быть первоклассным колдун, который ничего не слышал о такой магии?

– Ты сказал «у вас», – напомнил Шубашич. – Что это значит? Ты из какой-то другой страны? Разве где-то ещё есть драконы?

Женька не знал, как реагировать на такой поток вопросов, поэтому уклончиво ответил:

– Скоро всё узнаешь.

Они подъехали к небольшому автосервису без названия. Вернее, у него наверняка оно было, но рамка, к которой когда-то крепилась вывеска, стояла пустой. Несмотря на скромные размеры – ремонтный зал на три-четыре машины и вынесенные за пределы помещения храни-

лица автозапчастей – мастерская, видимо, была очень популярна у жителей Эшвилла. Вся стоянка перед автосервисом была занята автомобилями. Несколько были припаркованы на утоптанной площадке слева от забора автосервиса, а парочка была просто оставлена на обочине. У всех машин на лобовое стекло был наклеен жёлтый стикер с номером заказа и датой.

– У брата золотые руки, ты сам видишь, – с гордостью говорил Горан, паркуясь на обочине, позади двух автомобилей со стикерами.

Златана они нашли, естественно, в ремонтном зале, под машиной. Из-под её днища торчали две штанины грязного чёрного комбинезона с пятнами от масла, бензина, краски и ещё каких-то смесей. Штанины были заправлены в два коричневых ботинка на толстой рифлёной подошве. Ноги были согнуты в коленях, и один ботинок двигался, отбивая ритм неслышимой песни.

Горан подошёл ближе и попинал тот ботинок, что стоял на земле:

– Златан, вылезай! Есть разговор.

Ритмичный ботинок замер и медленно опустился на пол. Ноги чуть выпрямились и, оттолкнувшись пятками, выкатили из-под машины тележку. Лишь только когда тело выехало наружу, Женька осознал его масштабы: даже сидя на полу, Златан был практически по грудь старшему брату.

Вообще, сторонний человек вряд ли смог бы обнаружить в этих мужчинах хоть какое-то родство. Помимо роста (Златан оказался на две головы выше своего брата, и даже Женьке приходилось смотреть на него снизу вверх) Шубашичи отличались практически всем. Златан был смуглый и черноволосый, имел грубые черты лица: острый подбородок, орлиный нос и большой рот. Он носил гриву прямых и тяжёлых волос, длине и густоте которых позавидовала бы любая модница. Волосы он собирал в пучок на затылке, и такая причёска ещё больше вытягивала его лицо и зрительно увеличивала нос.

Златан был худым, но худоба его тела не выглядела болезненной – скорее, спортивной, хотя и богатырём он тоже не был. Если Вовкина мощь заключалась в плотности тела – широкий торс и устойчивый, как у погрузочного крана, таз – то Златан напоминал букву Т. Он был широк в плечах и узок в бёдрах, гибок и жилист. Когда он двигался, то под его кожей словно верёвки ходили. Видимо, они с Тартановым относились к тому типу конституции, когда физические нагрузки не провоцируют рост мышечной массы, а превращают мускулы в стальные узлы. Глядя на Златана, Женька понимал, чего мог бы достигнуть, если бы продолжил тягать штанги вместе с Вовкой.

Итак, Шубашич выкатил себя из-под машины и сел, вопросительно переводя взгляд с брата на незнакомца и обратно.

– Пойдём! Поговорить надо, – Горан кивнул в сторону самого тёмного угла ремонтного зала.

– Сейчас? – прищурился младший брат, будто в лицо ему светило яркое солнце.

– Ну я же сейчас пришёл, значит, сейчас, – старший Шубашич нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

– Златану нужно закончить...

– Златан закончит позже! – наседали Горан.

Шубашич-младший вздохнул и нехотя поднялся.

– Пойдём! – Горан жестом пригласил Женьку следовать за ним и уверенно направился в тот самый тёмный угол, отгороженный от общего зала стеллажами и железными бочками. За этим импровизированным ограждением обнаружилась дверь, которая вывела драконов на небольшой задний дворик, заваленный крупными запчастями, дисками от колёс, аккумуляторами и даже автомобильными креслами.

Златан остановился, закрыв собой солнце, и в его тени старший брат выглядел совсем как мальчишка.

- Это Тар, – с места в карьер начал Горан. – Ему нужна наша помощь.
- Машина? Мотоцикл? Катер? – Златан скрестил руки на груди.
- Нет, вообще-то... – Женька мотнул головой, но кузнец снова перебил его:
- Компьютер? Телефон? Кухонный комбайн? Система видеонаблюдения?
- Ты, я смотрю, на все руки мастер!
- Дай ему сказать, Златан! – Горан недовольно ткнул брата в живот. – Дело серьёзное.

Думаешь, я бы вытащил тебя из-под машины ради сломанного телефона?

Златан слегка наклонил голову вперёд, будто собирался идти на таран.

– Этот парень, – Шубашич-старший ткнул пальцем в сторону Женьки, – наш билет к свободе. Мой билет к свободе.

Младший брат недоверчиво взглянул на Тартанова, словно только что заметил его присутствие.

– Я устал сидеть и ждать, когда за мной придут посланцы, – тем временем продолжал Горан, так и не давая Женьке вставить ни слова. – Каждое утро я просыпаюсь с мыслью: вдруг сегодня? И каждую ночь я засыпаю, думая: вдруг завтра? Ожидание смерти хуже самой смерти. Этой попытке не будет конца, Златан, пока я сам её не закончу.

– Но ведь Греус отложил исполнение приговора!

– В этом-то и смысл – измучить меня ожиданиями! Чтобы жизнь на свободе показалась каторгой. Страх потерять всё это разъедает меня изнутри, – Горан на секунду умолк – то ли подбирая слова, то ли боясь произнести что-то важное. – Я должен нанести удар первым. Это единственный способ освободиться.

– Златану надо работать, – Шубашич-младший шагнул к двери, раздвинув плечом себе-седников.

– Я сделаю это – с тобой или без тебя! – в отчаянии бросил ему в спину старший, и тот остановился, медленно повернулся и уставился на Женьку недобрый взглядом. Тартанов спокойно выдержал этот напор, стараясь не провоцировать противника. Ситуация и без того складывалась непростая.

– У Златана нет семьи, а у тебя она есть, – младший Шубашич, наконец, оставил Женьку в покое и обратился к брату. – Думай о детях!

– Именно о них я и думаю! Что с ними станет, когда за мной придут? Греус обещал, что моя вина не поставит под угрозу жену и девочек, но ты сам знаешь, как непостоянен наш король. Сегодня он говорит одно, а завтра боги вызовут его на ковёр – и он найдёт причину изменить решение. Откопает какой-нибудь стародавний закон, найдёт нестыковку в формулировке обвинения – да что угодно! И пока этого не произошло, мы должны сделать первый шаг.

– Златан не любит революции...

– Речь не о революции, – наконец, вступил в разговор Женька. – Никаких убийств, переворотов, измен и казней. Надо просто украсть одну штуку.

– Какую штуку?

– Древний артефакт, который лишит богов силы, – поспешил ответить Тартанов, пока Горан снова не перебил его. – Когда они потеряют силу, то не смогут командовать драконами, а значит, все их законы и приказы аннулируются, как и обвинительные приговоры.

Горан выразительно кивнул, показывая брату простоту логики. Златан сунул руки в карманы комбинезона и, покачиваясь с пятки на носок, стал разглядывать батарею дисков, сваленных под покосившимся верстаком.

– Я всё обдумал: другой такой случай мне вряд ли представится, – вздохнул Горан. – Но без тебя я не справлюсь. Ты – моя гарантия успеха. Ты со мной, братишка?

Братишка продолжал покачиваться и созерцать верстак, при этом ещё начал насвистывать песенку с рваным мотивом. Мелодия казалась знакомой, и Женька невольно стал пере-

бирать в голове варианты, пытаясь вспомнить её. Горан же просто ждал, что скажет младший брат.

– Златан должен знать точный план. Всё до деталей. Либо так, либо Златан умывает руки, – был ответ.

– Будет тебе точный план, – пообещал Женька.

– Через два часа – в доме у Златана, – механик дёрнул дверь и скрылся во мраке ремонтного зала.

Златан Шубашич жил недалеко от своей автомастерской. На первом перекрёстке надо было свернуть направо и обогнуть небольшой холм, где располагался живописный городской парк – с тенистыми дорожками, уютными скамеечками, клумбами и прудом с дикими утками. На машине пришлось сделать большой крюк: улице никак не удавалось взобраться на холм. Едва она надумывала забрать вправо, как на её пути возникала то стена, то школа, то церковь, то просто скопище небольших домиков, которым, казалось, не хватило сил залезть повыше. В итоге, когда поворот всё-таки появился, дорога резко пошла вверх и через пару сотен метров оборвалась, оперевшись в невидимое препятствие. Горан припарковался на лысой полянке возле тупика и направился к той стороне холма, откуда они недавно приехали. Широкая тропинка привела их к нескольким домам, больше напоминавшим строительные вагончики. Первые три стояли в шахматном порядке метрах в десяти друг от друга. Четвёртый едва угадывался в зарослях, угнездившись повыше остальных.

– Когда мы переехали сюда из Квебека, Златан купил этот дом у какого-то алкоголика, – рассказывал Горан, взбираясь по крутой тропинке. – Я предлагал брату поселиться где-нибудь поблизости от нас, в то время там продавалось несколько домов, но он отказался. Дело не в деньгах: он достаточно зарабатывает и может позволить себе дом, как у меня, но Златан не любит людей. И нелюбовь эта взаимна.

– Почему?

– Его считают странным. Даже сумасшедшим, – охотно пояснил Горан. – Всё из-за его привычки говорить о себе в третьем лице. Из-за этого многие думают, что он умственно отсталый. Владелец автомастерской даже расстроился, что у Златана нет инвалидности: возможность льготного налогообложения поманила и растаяла в воздухе. Но ты увидишь: Златан совершенно нормальный. И добрый. Мухи не обидит. Знаю, тебе он таким не показался, но ты изменишь своё мнение. Просто братишка очень переживает из-за меня.

На минуту Шубашич умолк, но когда они с Женькой обогнули и миновали три первых дома, продолжил:

– Та история с диметиламиноэтанолом... Греус выдвинул мне обвинение в создании и распространении наркотиков. Дело в том, что антидот при взаимодействии с олием даёт эффект наркотического опьянения: головокружение, галлюцинации, нарушение координации движений и речемыслительных функций. Продолжительность этого побочного действия у всех разная: от нескольких минут до нескольких часов. Если бы мне дали закончить исследования, я бы нашёл способ устранить этот эффект или хотя бы свести его к минимуму, но лиги испугались. Меня судили как какого-то преступника, и я бы мог получить пожизненное заключение, но Греус боялся, что, засунув меня в тюрьму, он потеряет доступ ко мне. Боялся, что моими знаниями воспользуются настоящие преступники, и они же возьмут меня под защиту. Боялся, что я обижусь и не соглашусь на сотрудничество в случае опасности. Поэтому мне дали всего двенадцать лет, и король настоял, чтобы исполнение приговора отложили. С формулировкой дополнительного расследования. Он надеется, что я проникнусь к нему благоговением за это, но я с каждым днём ненавижу его сильнее и сильнее. Я бы отсидел уже половину срока, но вместо этого я каждый день живу в страхе, что за мной придут. Кто знает, что выявит это

дополнительное расследование – смягчит ли оно мою участь, или наоборот, вскроет отягчающие обстоятельства?

Женька вздохнул. Сколько из тех драконов в Башне отбывали наказание не за преступления, а за то, что какими-то своими действиями напугали богов? Вот Шу, например, которая ввязалась в авантюру, спасая своего возлюбленного. Или Кот, который чуть не стал преступником по сфабрикованным Горынычем уликам. Или Беша, отсидевший почти полгода в этом жутком месте за то, что пошёл против воли отца на глазах у других драконов и лиг.

– Когда ты пришёл, я думал, что тебя послал Греус, – продолжал Горан. – Прости, что наставил на тебя пистолет. Нервы сдают. Это потом я уже понял, что король не прислал бы за мной одного парня: тут бы всё кишело его шавками.

– Да, верно.

– Мы пришли.

Они остановились напротив одноэтажного деревянного дома, стоящего поперёк склона, и потому фасадную часть его подпирали невысокие сваи. Дом был просто прямоугольным: посередине дверь с крыльцом в две ступени, по обе стороны от неё по три окна. И ещё небольшой пристрой позади, выполнявший роль санузла. Справа от дома среди деревьев располагалась небольшая детская площадка: сваренные из коленвалов и остовов машин качели, пони на пружине, карусель на четыре сиденья.

– Девочки любят его, – с нежной улыбкой пояснил Горан. – Они из него верёвки вяют, а он и рад!

С другого торца дома между деревьями был натянут гамак, перед ним стоял вкопанный в землю стол, а ещё дальше, почти за самым домом была сооружена мангальная зона: кострище, выложенное кирпичом, стойки для вертела, подставки под гриль.

– Мы каждые выходные проводим тут, – Шубашич сунулся под заданный фундамент и извлёк оттуда два складных пластиковых стула. – Присаживайся!

Они устроили стулья так, чтобы те не кренились на покато́й плоскости, сели.

– Прости, что держу тебя здесь: Златан не любит, когда в его дом входят без него. Даже девочкам, которым он позволяет всё что угодно, строго-настрого запрещено переступать порог, если дяди нет поблизости.

Женька понимающе кивнул. Над головой качались и поскрипывали сосны, свистели птицы, радуясь солнечному деньку, а возле дома кузнеца было прохладно и спокойно. Тарта́нов невольно вспомнил их хижину в лесу, звуки удара металла о металл, доносившиеся из кузницы. Квохтанье кур. Кряхтенье Максика, который подтягивался на турнике, каждый день увеличивая число упражнений на пять. Погрузившись в воспоминания, Женька не сразу услышал голос Горана.

– Эй, Тар! – тот был вынужден повысить тон, чтобы привлечь внимание гостя на себя. – Так ты не отсюда?

– Нет. Я из России.

Реакция Шубашича его удивила: он согласно закивал, словно и не ждал другого ответа, хотя всего час назад изумлялся, что где-то ещё, кроме Штатов, живут драконы.

– Вы тоже подчиняетесь Греусу? – продолжал он расспросы.

– Нет, у нас есть своя королева.

Это известие заставило Горана задуматься на минуту. Опустив глаза и потирая пальцами одной руки тыльную сторону другой ладони, он, видимо, сопоставлял какие-то факты, а потом задал следующий вопрос:

– А в каких ещё странах живут драконы?

Женька боялся, что Шубашич это спросит. Боялся не потому, что информация была секретной или каким-то образом мешала выполнению задания. Такой вопрос означал, что драконы, живущие на территории этих маргов, совершенно ничего не знают о строении мира.

Значит ли это, что Тартанову теперь придётся устраивать им ликбез, рассказывая про кланы богов и земли обитания драконов? Как воспримут новую информацию его будущие соратники? Может, лучше всё оставить как есть: не вдаваться в подробности, ограничиться лишь той информацией, которая необходима для осуществления плана?

Времени на принятие решения было мало: Шубашич сверлил его нетерпеливым взглядом, – и Женька решил рискнуть. Во всяком случае, если вдруг эти знания начнут мешать достижению цели, он всегда может наслать на Горана забывчивость, и тот даже не вспомнит об этом разговоре. Тартанов начал с богов и постепенно, уводимый вопросами собеседника, углублялся в картину мира, вырисовывая детали и попутно открывая для себя некоторые неожиданные моменты. Шубашич слушал с интересом, уточнял, спорил, пытался найти нестыковки и систематизировать услышанное, а Женька терпеливо пояснял, ощущая себя Вовкой, который вводит в курс дела своего неопытного брата.

Златан появился с противоположной стороны, где были качели. Как потом выяснилось, напрямик через сквер от его мастерской было минут двадцать ходу. Со времени их первой встречи он изменился: угрюмость уступила место доброжелательности, из взгляда ушла напряжённость. Он пригласил гостей войти, предложил кофе.

Пока хозяин возился на кухне, Женька осмотрелся. В доме Златана было, на удивление, чисто и уютно, хотя обстановка выглядела простенькой и даже аскетичной. Гостиная, которая занимала центральную часть дома, состояла из старого, продавленного дивана (не исключено, что он остался от прежнего владельца дома), трёх кресел, одно из которых раньше стояло в кабине фуры, двух сколоченных вместе деревянных поддонов, заменявших журнальный столик, телевизора, стереосистемы (старой, но наверняка рабочей) и велотренажёра – единственной вещи, выпадавшей из общей канвы.

Вошёл Златан с подносом, на котором стояли три кружки с кофе, блюдечко с кусковым рафинадом, молочник и тарелка с печеньем. Женька ожидал увидеть всё что угодно, но только не такой сервис. Вид Шубашича-младшего больше располагал к мужским посиделкам с пивом, чипсами, копчёными куриными крылышками, футболом по телеку, громким смехом и пьяными разговорами за жизнь. Но Златан каким-то образом умудрялся создавать вокруг себя ауру домашнего уюта, и от этого сердце Женьки болезненно сжималось: приходили воспоминания детства о маме, об их квартире, где он всегда чувствовал себя в безопасности, о каких-то минутах близости, которых он не помнил в деталях – лишь в общих чертах.

Тартанов гнал от себя эту меланхолию. Когда всё закончится, когда можно будет выдохнуть и отложить оружие, тогда он наведается в гости к Златану, чтобы окунуться в эту атмосферу прошлого, поностальгировать, повспоминать. Но сейчас надо быть собранным и бесстрастным.

– Прежде чем мы скрепим наш союз рукопожатием, Расскажи, каков план, – заговорил Горан, хлебнув кофе. – Можно без деталей, но с чётко обозначенной целью. Мы должны понимать, к чему стремимся и что нас ждёт.

Златан не сводил с гостя внимательного взгляда. В кресле дальнобойщика он смотрелся очень органично: казалось, он сейчас выжмет сцепление, вывернет невидимый руль – и дом, дав длинный предупредительный гудок, тронется с места, как гружёная фура.

– Наша цель – ключи от Врат, – Тартанов без долгих предисловий начал прямо с сути. – Ключи хранятся в бункере на военной базе, название которой пока сохранию в тайне. Посторонним практически нереально туда проникнуть, но способ всё же есть. Для этого мне и нужны колдун и кузнец – чтобы подготовить условия для успешного моего проникновения на территорию врага. Ну и не только условия, конечно. Когда я проникну туда, мне нужна будет поддержка извне – кто-то, кто будет дирижировать происходящим на базе, предупреждать об опасности и корректировать ситуацию, если что-то пойдёт не так.

Братья переглянулись.

– Как видите, я не прошу вас лезть в пекло, я постараюсь максимально отвести вас от удара, – Женька отпил кофе. – Но тогда мне нужны бойцы. Два-три воина, которые пошли бы со мной, чтобы элементарно прикрыть мне спину, пока я буду вскрывать бункер.

– Ты хочешь, чтобы мы нашли тебе воинов? – уточнил Горан.

– Я плохо ориентируюсь в вашем государстве, поэтому вынужден довериться вам, раз уж вас откомендовали как первоклассных специалистов.

Златан невозмутимо попивал из кружки. Старший брат покусывал верхнюю губу, видимо, находясь ещё под впечатлением от недавнего экскурса в историю.

– Мне нужны ребята, которые не побоятся сунуться под пули, которые готовы держать оборону и уходить от преследования...

– И которые готовы погибнуть? – не удержался Горан.

– Не скрою, операция опасная. Не только для тех, кто сунется на базу, но и для всех её участников. Гарантировать абсолютную безопасность я никому не могу, да и не буду этого делать. Одно обещаю: я сделаю всё, что в моих силах, чтобы свести риски к минимуму.

– Когда ключи будут у нас – что дальше?

– Дальше я открою Врата и впущу Повелителей драконов.

На этом месте младший Шубашич ожил, как будто слышал любимую песню.

– Златан говорил: они существуют!

– Умолкни! – поморщился старший брат.

– Златан всегда знал! А вы не верили Златану, говорили, что у него большая фантазия.

– Ты в детстве столько всего придумывал, что трудно было отличить, что фантазия, а что реальные факты, – оправдывался Горан. – К тому же ты никогда не называл их Повелителями.

– Гранды! Их зовут Грандами!

Женька отметил для себя новое слово. Логично было предположить, что «Повелители драконов» – это описательное название существ, с которыми он имел честь познакомиться лично. Но должно было быть и первоначальное название. Странно, что Вовка, который всегда называл богов лигами, считая, что они недостойны звания богов, никогда не упоминал об истинном названии Повелителей. Может, он и сам не знал, как их зовут?

– Гранды ждут Златана! – Шубашич-младший аж подпрыгивал от нетерпения. – Златан готов! Златан согласен участвовать!

Горан сдержанно улыбнулся. Видимо, на такой эффект он и рассчитывал. Однако ещё один вопрос мучил его:

– Что будет, когда Гранды войдут в наш мир?

– Лиги лишатся возможности управлять драконами. Мы создания Повелителей, и только они имеют право вершить наши судьбы, а значит, мы будем под защитой их силы.

– Седрик! – вдруг вскрикнул Златан.

Горан повернулся к нему, вопросительно подняв брови.

– Седрик подойдёт, – повторил свою мысль младший брат. – Седрик классный воин. И он умеет читать мысли.

– Вы можете с ним связаться? – оживился Женька.

– Он не будет слушать ни тебя, ни нас, – мотнул головой Горан. – Он пойдёт только за королевой Мэй.

– Предлагаешь пригласить её в нашу банду? – усмехнулся Тартанов.

– Не обязательно так радикально. Надо уговорить её попросить Седрика. Если королева даст добро, он будет участвовать в любой заварушке.

– Кто это сделает? – Женька пригубил кофе, но по взгляду Шубашича-старшего уже понял ответ.

Подданный Её величества

От высоты и плотности застройки Нью-Йорка у Женьки захватывало дух. Он старался вести себя сдержанно и не крутить головой, как наверняка делал бы Максик, но всё равно не мог не глазеть по сторонам.

Офис медиахолдинга «Фёрствью Инкорпорейтед» располагался в высотке на пересечении Лексингтон-авеню и 52-й стрит. Редакции журналов и каналов находились на восьмом, девятом, двенадцатом, тринадцатом и четырнадцатом этажах, а вот руководство, как водится, восседало под самой крышей. Туда-то и вёз Женьку скоростной лифт.

По такому случаю Тартанов оделся в тёмно-серый костюм и голубую рубашку без галстука – пришлось с утра посетить несколько бутиков, чтобы выбрать подходящий наряд. Глядя на себя в зеркало примерочной, он вспомнил Вовку, который на встречи с Шу всегда одевался элегантно, но не торжественно. Женька же посчитал, что для разговора с незнакомой королевой больше подойдёт нейтральный деловой стиль. Он позволял сохранить дистанцию и выказать уважение статусу собеседницы.

Лифт привёз его в трапезиевидный холл, который расширялся в глубь здания. В середине широкого основания трапеции находилась полукруглая стойка рецепции, по обе стороны от неё внутрь помещения вело по коридору. В боковых гранях трапеции находилось по одной двери. Левая вела на лестницу, а назначение правой сложно было угадать, не открыв.

На рецепции сидели две миловидные, практически одинаковые девушки. Похожими их делала не только униформа – светло-сиреневые блузки, тёмно-синие юбки и такие же тёмно-синие шейные платочки с логотипом компании, – но и причёски – фигурно заплетённые чёрные косы.

– Добрый день! – чуть не хором поприветствовали гостя девушки.

– Здравствуйте, я Тар, – Женька держался с холодной вежливостью. – У меня встреча с мисс Гордон...

Девушки как по команде опустили глаза – каждая в свой монитор, но через несколько секунд одна утвердительно кивнула и вышла из-за стойки:

– Следуйте за мной, мистер Тар!

Они вошли в правый коридор. Здесь был приглушенный свет, и это напомнило Женьке Башню. Глядя, как тускло бликуют лампочки на его начищенных до блеска туфлях, он вспоминал, как бежал босиком по шершавым каменным плитам бесконечных поворотов той страшной тюрьмы. Казалось, это было несколько лет назад, хотя на самом деле не прошло и трёх недель.

Коридор упёрся в двустворчатую дверь, занимавшую почти всю ширину проёма. Дверь была из тяжёлого и наверняка дорогого матового стекла с узорчатыми разводами. Отворив одну створку, девушка первой проскользнула внутрь и, как показалось Тартанову, с особой интонацией сообщила:

– Мистер Тар. К миссис Гордон.

Женька прикусил губу: что-то он напутал с этими обращениями. Горан говорил, что королева не замужем, и Женька опростоволосился, употребив «мисс». Видимо, статус генерального директора требовал обращаться к королеве «миссис».

Тартанов шагнул вслед за сопровождающей и оказался в просторном кабинете синесерых тонов. Справа прозрачная стеклянная дверь вела в зал для совещаний, а дверь слева была такой же матовой, как и входная. Прямо напротив двери стоял изогнутый стол референта, снабжённый всевозможной техникой. Кроме этого в комнате был шкаф для бумаг, несколько кресел для ожидания и странный агрегат, выполнявший, видимо, роль кофеварки.

Передав гостя в руки референта, девушка с рецепции бесшумно выскользнула за дверь, и Тартанов остался один на один с секретарём. Это был молодой мулат, вполне возможно, что

Женькин ровесник, юркий, энергичный, амбициозный и слегка надменный, каким и положено быть работнику его статуса. Он смерил гостя оценивающим взглядом. Эта оценка, видимо, не выявила в посетителе важной персоны, потому что надменность и холодность референта на пару градусов возросли.

– Добрый день. Вы записывались?

– Мы созванивались, – уклончиво ответил Женька. Глядя, как референт водит пальцем по планшету, отыскивая страницу с ежедневником, он вспомнил слова Сказочника относительно жёсткости, которую нужно вырабатывать. Нынешний случай был из этого разряда.

– К сожалению, мистер Тар, я не вижу вас в списке на сегодня, – референт поднял на гостя глаза и нарочито вежливо предложил: – Я могу записать вас на другой день. Вам удобно во вторник... скажем, часов...

– Я хочу увидеть миссис Гордон немедленно! – с тем же градусом холодности перебил его Тартанов. – Доложите о моём приходе.

– Боюсь огорчить вас, мистер Тар, но у меня есть чёткие указания насчёт приёма посетителей, – референт склонил голову набок, будто пытался таким образом перекрыть гостю путь. – Вы должны быть записаны.

– Не трудитесь, я сам доложу, – Женька шагнул в сторону непрозрачной двери, и референт вскочил как ошпаренный. Однако тут же осел обратно в кресло, безвольно уронив голову на грудь.

– Проснёшься через две минуты и займёшься своими рабочими делами, – негромко приказал Тартанов и подошёл к двери.

Небольшой всплеск волнения, сомнения и малодушия. Женька помнил, что испытал, когда впервые оказался в доме Шу, – неопытный мальчишка на территории красивой и властной женщины. «Сейчас всё иначе, – мысленно шепнул он себе. – Я Страж. Я исполняю волю Повелителей». И он негромко постучал, а потом, не дожидаясь приглашения, потянул дверь на себя.

То, что предстало его взору, заставило его на несколько секунд замереть в восхищении. Кабинет миссис Гордон располагался в угловой части здания и изгибался буквой Г. Это зрительно делило помещение на две зоны, хотя никакой перегородки между ними не было. И тем не менее длинная часть кабинета, где сейчас стоял Тартанов, сильно отличалась от той, что уходила вбок. Она походила на сказочную пещеру. Тёмно-синее неровное покрытие на одной стороне поглощало дневной свет, лившийся в высокие окна на противоположной, но то тут, то там на стене вспыхивали отблески, напоминавшие блики драгоценных камней. При малейшем движении менялся угол зрения, и на стене загорались новые звёзды, преломляющие свет. Пол был устлан ковровым покрытием, имевшим разную длину ворса, и это создавало иллюзию каменной шероховатости пещеры. У ближней торцевой стены стоял мягкий диван. Даже не опустившись в него, Женька уже чувствовал его мягкую обволакивающую уютность. Вдоль длинной стены стоял бар, выполненный в виде прозрачного сундука. На его подсвеченных изнутри голубым светом полках толпились разномастные бутылки разной степени наполненности, но что делало этот бар действительно похожим на сундук с сокровищами, так это ниспадающие по его стенкам клубы пара. Окрашенный в голубоватый цвет, этот туман казался поистине сказочным и даже волшебным. В самом углу Тартанов заметил небольшой прибор и не сразу сообразил, что это. Понял это он несколькими минутами позже, когда опустился в мягкий диван и продолжил осмотр. Тогда-то он и обнаружил на потолке звёздное небо, проектируемое прибором. Звёзды едва уловимо двигались, как и подобает реальным небесным светилам, а чёрные просторы космоса то и дело бороздили кометы и мигающие спутники.

Стол миссис Гордон располагался у окна и имел стандартную Т-образную форму. За перекладной сидела она сама, а по обе стороны от ножки буквы стояли несколько кресел. Мэй с кем-то разговаривала по рабочему телефону и, увидев гостя, гневно сверкнула глазами,

но разговор не прервала. Женька опустился на мягкий диван, с любопытством разглядывая королеву Мэй.

Она была полной противоположностью Шу: имела длинные и волнистые белые волосы, которые сейчас сколола на затылке, но они всё равно выбивались из зажима, спадая на плечи и лицо волнующими прядями. У Мэй были большие карие глаза, прямой нос и чётко очерченные губы. Её красота имела иную природу, нежели красота Шу: Мэй не была кокеткой. Она вряд ли бы стала кружить головы молоденьким пажам, не заигрывала бы с влиятельными драконами и уж тем более не стала бы истязать напуганного младшего брата своего возлюбленного. И если Шу была соткана из энергии действия, то Мэй была наполнена энергией спокойствия.

И в тот момент, сидя на диване и почти не слыша голоса королевы, Женька понял, что с ним случилось *это* – то, о чём предупреждал Вовка, о чём толковал Горыныч и упоминал Беша. И уже нельзя было повернуть вспять, нельзя было выскочить за дверь и придумать новый план. Это было, как удар копьём – издалека и насквозь. Он был насажен на это копьё, как букашка на булавку в коллекции энтомолога. Он был беспомощен и понимал, что теперь его жизнь разделится на *до* и *после*.

Он влюбился.

Миссис Гордон закончила разговор, подчёркнуто спокойно положила трубку и негромко, но твёрдо произнесла:

– Покиньте мой кабинет!

– Миссис Гордон, я всего на пару минут. Это не займёт...

– Мне повторить ещё раз или сразу вызвать охрану? – в твёрдости Мэй и Шу были просто сёстрами-близнецами.

– Ваше величество, меня зовут Тар. Я Страж драконов, – Женька поднялся и почтительно склонил голову. – Думаю, у вас найдётся несколько минут для парня, исполняющего волю Грандов.

Мэй выпрямилась, недоверчиво разглядывая незнакомца.

– Я не из ваших владений. Я подданный Её величества Шу.

Взгляд королевы Мэй немного потеплел, но она по-прежнему молчала, не привечая, но и не прогоняя визитёра.

– Я хотел бы предложить вам сделку, – Женька переминался с ноги на ногу, проклиная себя за волнение и слишком длинные паузы между словами. – Хотите эксклюзивный материал?

– Обратитесь к моим редакторам, – уже не так холодно ответила она. – Я не занимаюсь материалами.

– Но что если этот материал будет иметь очень сильный резонанс? Я смотрел рейтинг вашего новостного канала «Фёрст-ньюс»: вы выпали из пятёрки лидеров ещё в конце прошлого года и никак не можете вернуть лидирующие позиции. Рекламодателям это не нравится, доходы снижаются. А это, в свою очередь, не нравится инвесторам, – Женька шагнул вперёд. – Но я могу предложить вам такой шикарный эксклюзив на День независимости, что вы с лёгкостью взлетите на первое место. Вам останется только его удержать, с чем вы, я полагаю, справитесь.

Мэй изучала его взглядом, пытаясь угадать, что он хочет предложить. Информация, которой он тут бодро размахивает, не такая уж секретная. Немного терпения – и статистику деятельности канала, в том числе и финансовую, можно найти в интернете. Но по манере разговора странный посетитель не походил ни на шантажиста, ни на сумасшедшего, ни на террориста.

– И что же это за эксклюзив? – королева поставила локти на стол, сцепила пальцы в замок и упёрлась в него подбородком.

– Паранормальное явление в небольшом городке, которое случится во время празднования Дня независимости.

– Если вы что-то знаете о предстоящем событии – обратитесь в полицию. Если вы сами намерены это паранормальное явление сотворить, то я вам не пособник, – хмыкнула Мэй, но в её глазах зажглись искорки любопытства.

– Вы думаете, полиция поверит мне? – мягко улыбнулся Женька и сел в кресло, ближе всех стоящее к королеве.

– А почему я должна вам поверить?

– Во-первых, потому, что я Страж. Я исполняю волю Пове... Грандов. А вы, как королева, должны этой воле подчиняться, – Женька облизал губы. – А во-вторых, финансовое положение вашего канала вынуждает вас увольнять сотрудников, чтобы хоть как-то удержаться на плаву. Оставшийся штат не может тягаться с гигантами, которые вытесняют вас с рынка. Я же предлагаю решить эту проблему.

– Очень странное предложение, – королева взяла со стола ручку и принялась вертеть её в руках. – Что если это липа?

– Я предоставлю вам гарантии.

– Это всё пахнет соучастием в преступлении!

– Мы придумаем, как сделать вам железное алиби. Анонимный звонок с номера, который невозможно отследить... Просто подумайте, что всё это может достаться другому каналу.

Мэй с минуту молчала, внимательно рассматривая незнакомца. Женька смущался под этим взглядом сильнее, чем под взглядом синих глаз Шу, но терпеливо сносил эту пытку, нацепив всю ту же дружелюбно-располагающую американскую улыбку.

– Вы ведь что-то попросите взамен? – наконец, произнесла королева.

– О да! Мне нужен ваш друг Седрик.

– Что значит «нужен»? Хотите использовать его в этой игре?

– В этой – ни в коем случае! У меня есть для него задание поважнее, – Женька вздохнул, потому что ему катастрофически не хватало воздуха. – К сожалению, без вашего одобрения он не согласится участвовать.

– Прежде чем связаться с моим другом Седриком, я должна знать, во что вы его втягиваете, – королева слегка склонила голову набок и прищурилась.

– Справедливо, – согласился Женька. – Но прежде чем рассказать это, спрошу: могу я пригласить вас на ужин?

Мэй наконец-то улыбнулась, и её лицо словно просветлело.

Лагерь, куда на лето выехал детский приют святого Христофора, располагался на озере Милекокинс, что к северу от озера Мичиган, в каких-то тридцати милях от границы с Канадой. Постоянное месторасположение приют имел в Гранд-Рапидсе, но время с конца мая по середину августа ежегодно проводил на берегах Милекокинса, где учредители сиротского дома арендовали старый скаутский кемпинг, доживавший свои дни в глуши. Старые деревянные домики, пропахшие пылью и сыростью, со скрипучими половицами и покосившимися крылечками. Вытоптанная до сухого песка спортивная площадка, рассохшиеся скамейки, вид которых уже не спасала ежегодно обновляемая краска, и щербатый пирс с железной горкой в воду. Это место потихоньку умирало. Его хозяева и думать не хотели об обновлении и тем более перестройке: они планировали выжать из этого уголка всё, что ещё возможно выжать, а потом снести непригодные постройки и возвести что-нибудь более коммерческое. Дайвинг- или яхт-клуб, например.

Седрик Дорф работал в приюте сторожем, садовником, грузчиком, электриком и плотником. Так необходимые в городе, его умения на природе становились бесценными, поэтому вот уже третий год он выезжал на Милекокинс вместе с воспитателями, врачом и поварами. Найти Седрика оказалось непростой задачей. Мальчишка, у которого Женька спросил, где обретается мистер Дорф, отправил его на лодочную станцию. Там копошился пожилой мужчина, который

сообщил, что мистер Дорф был тут утром, но потом ушёл на кухню чинить картофелечистку. Женька отправился на кухню, но там оказалось, что Седрик починил агрегат и теперь сколачивает декорации для воскресного концерта. На плотницкой площадке возились несколько старших мальчишек: одни стучали молотками, другие красили готовые сооружения, третьи таскали доски и фанеру. Руководивший ими крепкий рыжеволосый парень сказал, что мистер Дорф отправился налаживать освещение для сцены. Битый час Женька курсировал по кемпингу, отыскивая Седрика и постепенно проникаясь летней кипучей жизнью приюта. Сам он, будучи в детдоме, в летние лагеря не ездил, но, когда ему перевалило за шестнадцать, один из местных депутатов организовал летний выезд младшей группы семи-десяти лет. Салаги отсутствовали почти два месяца, а вернулись загорелые, шумные, упитанные и какие-то чужие. Тогда Женька им позавидовал. Во-первых, потому, что малышня с самых ранних лет узнала, какая есть жизнь вне этой дыры. Во-вторых, потому, что выезд в лагерь был шикарным поводом для побега. В-третьих, потому, что ему просто отчаянно хотелось сменить обстановку, вдохнуть воздух другой жизни. И сейчас, гуляя по кемпингу в поисках Седрика, Женька, как тогда, три года назад, ощущал терпкий запах чужой свободы.

Мистер Дорф нашёлся внезапно. Просто вывернул из-за какого-то домика на тропинку в нескольких шагах от Тартанова и без каких-либо предисловий спросил:

– Это ты меня ищешь?

Женька опешил – не только из-за того, что неуловимый мистер Дорф так внезапно отыскался, но и из-за того, что был он иссиня-чёрен. Его кожа была настолько тёмной, что на ней не угадывались ни губы, ни брови, ни ноздри. Только белки глаз поблёскивали, да изредка крупные и блестящие, словно из слоновой кости, зубы. Седрик носил короткую стрижку и серьгу в ухе, имел сильные руки, лепной торс и мускулистые ноги – одним словом, выглядел как воин, несмотря на то, что держал в руке пассатижи, а его майка и шорты были присыпаны стружками.

– Ты Седрик? – уточнил Женька, приходя в себя от столь неожиданной встречи.

– Был им с утра. Чего тебе? – мистер Дорф обошёл Тартанова и зашагал по тропинке, так что гостю пришлось поспешать за ним.

– Мы можем поговорить?

– Говори!

– Наедине.

Седрик неожиданно остановился и развёл руки в стороны:

– Ты тут видишь кого-то?

Вокруг действительно не было ни души. Откуда-то из-за маячивших в зарослях домиков слышались голоса, музыка, смех, но в поле зрения не попадал ни один воспитанник или сотрудник лагеря.

– Королева Мэй очень просит тебя помочь нам с одним важным делом, – начал Женька, но Седрик перебил его:

– Украсть ключи от Врат?

Тартанов снова опешил и даже немного испугался такой осведомлённости: королева не могла столь детально посвятить его в дело, потому что сама пока не была до конца посвящённой.

– Я читаю мысли, ты не знал? – Седрик снова зашагал по тропинке. – Я поэтому и работаю тут, подальше от людей. Надоело слушать, что они думают. А думают они, в основном, одно паскудство. С детьми легче.

Женька понимающе кивнул.

– Что касается твоего предложения, то я откажусь. Я нужен здесь, а ты можешь найти любого другого воина, – продолжал Седрик. – Знаю, Горан сказал тебе про меня. Уважаю Горана, но эти разборки с лигами – его разборки. Я свои закончил давным-давно.

– Я и не надеялся, что ты согласишься сразу. Возможно, тебе нужно время подумать? – не сдавался Женька.

– Мой топор войны, – мистер Дорф зачем-то помахал перед лицом Тартанова пассатижами, – зарыт, парень. Я теперь мирный воин. Я теперь созидаю.

– Рождённый ползать летать не должен, – переиначил известную цитату Женька. – Ты воин. Ты разрушитель – хочешь ты того или нет.

Седрик широко улыбнулся. У него было доброе лицо, совершенно не подходящее воину – скорее, лекарю или воспитателю.

– Я знаю, о чём говорю. Мой брат – кузнец, который, как и ты, вынудил себя сменить ипостась. Он стал воином. Ничего из этого не вышло. Он и воин посредственный, и кузнецом стал плохим, потому что сила разрушения мешает ему созидать.

– Я, может, и плохой плотник, но это лучше, чем быть хорошим убийцей, – беззлобно отмахнулся Седрик и свернул на дорожку, которая должна была привести его к плотницкой площадке.

– Я Страж, Седрик, и ты не можешь противиться моей воле! – повысив голос, заявил Тартанов.

Мистер Дорф остановился и как-то ссутулился, словно ожидал удара плетью. Женька опустил глаза: не хотел он вот так привлекать воина в свою команду, но, видимо, выбора не было.

– Если хочешь, прочти это в моих мыслях. У меня нет секретов от тебя.

Седрик повернулся к нему, в его глазах читалась боль и досада:

– Я не готов. Только не сейчас!

– Подумай о тех, кому не на кого надеяться, кроме тебя. Сколько невинных драконов ещё пострадает по прихоти лиг? Они убивают нас, бросают в тюрьмы, они подвергают нас чудовищным экспериментам! То, во что превратились наши души и наши тела, – разве это справедливо?

– Ладно, оставь свою речь для кого-нибудь другого, – вздохнул Седрик. – Я знаю, что ты хочешь мне сказать. Ты прав, конечно, но я... Мне надо найти замену здесь. Я не могу просто взять и бросить детей.

– Я понимаю. Хорошо. Я помогу тебе в поиске кого-то на твоё место. Может, попросить королеву?

– Не вмешивай в это Мэй! – поморщился мистер Дорф. – Я сам. И у меня будет ещё одно условие.

Женька вопросительно поднял брови.

– Я возьму своего друга Агтилу. Либо так, либо до свидания, Страж.

– Два воина лучше, чем один, – кивнул Тартанов.

– Я не говорил, что он воин, – нахмурился Седрик.

– Я тоже умею читать мысли. Ты не знал?

Все в сборе

Дом мистера Гроула был затерян в болотистых лесах Алабамы, на западном берегу реки Чаттахучи, впадающей в озеро Оливер. Эта была местность заброшенных в восьмидесятые годы двадцатого века домов и целых поселений, половина из которых даже не имела почтового адреса. Дом мистера Гроула тоже не имел адреса: вся корреспонденция приходила к его соседу – мистеру Бейвитсу, на Ли-роуд 322. Но мистер Гроул не был на это в обиде: вот уже восьмой год он проживал в доме престарелых и, скорее всего, не помнил, что у него когда-то было двухэтажное деревянное строение на берегу Чаттахучи, от которого до ближайшего шоссе приходилось не менее получаса плутать по изворотливым лесным колеям, то появляющимся, то пропадающим вновь, дразнящим и обманывающим, то и дело ныряющим в болото и зарастающим травой. Сегодня Мистер Гроул вряд ли мог бы назвать имя своего соседа – сварливого Чака Бейвитса, любителя выпить и порыбачить, человека, который знал о лесе и воде столько, сколько не знали ни служба лесоохраны, ни воднадзор вместе взятые. Мистер Гроул был страстным охотником, следопытом и рыболовом. Он не раз принимал участие в поисках заплутавших туристов, выслеживал браконьеров и считался одним из лучших экспертов по диким животным. Мистер Гроул точнее, чем метеослужба, мог предсказывать погоду, знал названия и применения всех лекарственных растений, произрастающих в этих местах, и без промаха бил из своего верного ремингтона, что не раз спасало ему жизнь. Сейчас же мистер Гроул превратился в немощного девяностолетнего старика, который едва понимал, какое время года на дворе, носил памперсы и с утра до вечера безучастно пялился в телевизор в доме престарелых в Колумбусе. За домом присматривали его внуки Горан и Златан Шубашичи – дети единственной и, увы, ныне покойной дочери мистера Гроула Маргарет. Будучи с позором изгнанным из университета Квебека, Горан выбрал колледж Уоррена Уилсона отчасти и потому, что он ближе всех располагался к Колумбусу, где в богадельне доживал свои дни дед. Дорога в один конец занимала чуть больше трёх часов, и Шубашичи старались каждые выходные навещать старика.

Дважды в год братья приезжали в дом мистера Гроула. Ранней весной всегда наведывался рукастый Златан, который приводил строение в порядок после осенних и зимних атак непогоды: латал крышу, подправлял крыльцо, ремонтировал веранду, а иногда и вставлял новые стёкла. В конце июня на месяц или даже два, приезжал Горан с семьёй. Сначала с беременной Шерил, потом с малюткой Мишель, а потом к Мишель присоединилась и Сарисса. Мистер Бейвитс был рад такому соседству, хотя старательно скрывал это. Однако он никогда не отказывался от приглашения на ужин и у него всегда находилось чем удивить девчушек – от конфет до вырезанных из дерева предметов кукольной мебели.

Но пятого июля дом мистера Гроула ожил совсем иначе. В нём теперь слышались мужские голоса, половицы, доселе попискивающие от детских шагов, теперь натужно скрипели под грубыми ботинками. На веранде появились странные коробки и мешки, а площадка перед домом, которую раньше занимал надувной бассейн, разбросанные детские игрушки, сушиллка для белья и пара кресел-качалок, теперь была заставлена машинами – внедорожником Горана Шубашича, пикапом-работягой его брата Златана, отреставрированным «Бьюиком-Ривьерой» и синим фордовским фургоном, который стыдливо прятал свой зад в кустах.

За всем этим, оставаясь незамеченным для глаз приезжих, наблюдал Чак Бейвитс, которого приезд новых людей насторожил, как и любого пожилого человека настораживает смена привычного хода вещей. Услышав шум моторов, он тут же поспешил на звук, не забыв прихватить свой помповый винчестер. Фигура Златана, наиболее приметная из всех, немного успокоила старика, но всё равно на душе было тревожно: что надо этим незнакомцам?

Шестеро мужчин, один из которых чернокожий (им Чак Бейвитс так и не научился доверять) перетаскивали из машин в дом вещи – рюкзаки с одеждой, пакеты с едой, снасти для рыбалки, бензиновый генератор, какие-то приборы, напоминающие радиостанции его, Бейвитса, молодости, плоские компьютеры, мотки проводов и множества других вещей, о назначении которых сосед едва мог догадываться. Одного из них – худощавого и высокого, с лицом чужеземца – Горан Шубашич повёл в сарай, находившийся метрах в десяти от дома. Раньше там Гроул хранил лодку и рыболовные снасти, а потом Златан переделал этот сарай под мастерскую.

Но больше всего старого Бейвитса беспокоило присутствие девчонки. Тощая и нескладная, с коротко стриженными рыжими волосами (явно крашенными – уж больно красный оттенок был у рыжины), с татуированными, как у эков, руками, одетая в мужскую одежду – синезелёную майку, узкие брюки с дыркой на левой коленке, заправленные в армейские сапоги с высокими голенищами, и безрукавку цвета хаки с капюшоном – девица направилась сразу к причалу. Встала там, на самом краю, как будто на шухере, сунула руки в карманы жилетки. Приедь братья Шубашичи сюда мужской компанией, это бы меньше встревожило Чака Бейвитса. Мало ли какие дела могут быть у парней на природе? Охота, рыбалка, возможность выпить подальше от сварливых жён. Но присутствие в этой компании девчонки искажало картину, опошляло её и придавало будоражащей таинственности. Старик Бейвитс решил, что дело тут явно нечисто и что придётся пару дней понаблюдать за гостями, а если ситуация не прояснится, то провести разведку боем и поговорить с Гораном.

Вечером приехавшая компания, наконец, смогла собраться вместе за ужином и поговорить. Днём было слишком много работы, к тому же Златану и Женьке пришлось сделать ещё одну вылазку в город за недостающими продуктами, алкоголем и кое-какими инструментами.

На ужин Горан подал сочные колбаски-гриль с печёным картофелем и баклажанами. Все семеро обитателей дома расселись за длинным столом, занимавшим чуть не всю гостиную, – ни дать ни взять сцена из американского фильма, повествующая о быте постколониального Юга. Сейчас Женька мог наконец-то рассмотреть свою команду. Рано утром они с Гораном и Златаном встречали этих драконов на шоссе, ведущем из Атланты. Уже знакомый Тартанову Седрик прикатил на синем фургоне вместе со своим другом Атилой, а на «Бьюике» подъехали Фай и Верди, которых пригласил Горан. Добравшись до Ли-роуд, Женька тоже не имел возможности детально рассмотреть новых знакомых и, как следствие, пока не мог составить о них никакого мнения. Сейчас за ужином он, потягивая воду, ненавязчиво скользил взглядом по новой компании.

Фай напоминал ему Бешу. Такой же энергичный, обладающий звериной грацией, слегка нагловатый, придирчиво следящий за своей внешностью воин. Только в отличие от утончённого королевича Фай имел вполне заурядную внешность парня из рабочих кварталов: простой овал лица, чуть курносый нос, серые глаза, слегка припухлые губы. Простоты добавлял ровный ёжик тёмно-русых волос на голове. Свою практически деревенскую внешность Фай компенсировал рельефами мускулатуры и татуировками. Во всех его движениях сквозило желание продемонстрировать себя с лучшей стороны. То, что у Беши получалось инстинктивно, Фай вырабатывал в себе годами: небрежная улыбка, пружинистая походка, поворот головы, при котором скрадывалась его курносость, но подчёркивался мужественный изгиб скул.

Верди была его девушкой. За грубоватой внешностью и неброской одеждой скрывалась довольно ранимая, нежная и умная лекарка. Верди была очень тонкой – с ногами-спичками, руками-ниточками, тонким прямым носом, едва различимой полоской губ, лебединой шеей. Она производила впечатление хрупкого и беспомощного существа, но Женька чувствовал в ней внутреннюю силу, превосходящую силу духа её накаченного парня. И ещё он чувство-

вал, что неказистая внешность и грубость манер – лишь способ укрыть от жестокой реальности мягкий и беззащитный внутренний мир.

Аттила произвёл на Женьку двойственное впечатление: впервые в жизни он видел дракона, который преображался и практически перерождался в новый образ, едва дело касалось его ипостаси. В быту Аттила походил на сорокалетнего бомжа, словно Седрик выкопал его на городской свалке и притащил сюда, минуя душ, парикмахерскую и прачечную. Он был небрит, космат и одет в вещи как будто с чужого плеча. У него были близко посаженные глаза, кривой, не единожды сломанный нос, абсолютно прямые кустистые брови и тонкие губы, в трёх местах пересечённые белыми шрамами. Аттила сутулился, и от того его руки казались длиннее обычного. Он ходил, шаркая ногами, запинаясь за ступеньки, пороги и другие препятствия. Не обладая внушительными габаритами, тем не менее он умудрялся раз за разом не вписываться в косяки, ударяться об углы шкафов и дверей. Стоило ему наклониться – он неизменно бился обо что-нибудь лбом, а когда выпрямлялся – то бился затылком. Казалось, в нём сбоил прибор, отвечающий за координацию, и, глядя, как Аттила в очередной раз запнулся или ударился обо что-то, Женька невольно вспоминал Вовку – как тот мастерски лавировал в узких проходах между горами хлама в квартире Горыныча.

Однако всё менялось, когда Аттила брал в руки меч или просто ради тренировки вставал в спарринг с Фаем. Молодой и юркий дракон не успевал уворачиваться от кулаков и ног Аттилы. Их поединки редко длились дольше минуты: не успевал Фай нанести свой удар, как летел на землю или извивался в болезненном захвате. В бою Аттила был молниеносен и беспощаден. В первом же двухминутном спарринге он так разбил Фаю лицо, что Верди пришлось накладывать ему швы.

– Полегче, Рэмбо! – смеялся добродушный Седрик. – Это всего лишь тренировка!

Фай злился и впоследствии ещё не раз вызывал Аттилу на бой, но неизбежно проигрывал, умываясь кровью.

Вот такие разные драконы сидели сейчас за столом, и Женьке важно было отыскать у каждого как слабые, так и сильные места, чтобы, нажимая на первые и стимулируя вторые, повести свою команду в бой.

– Пока это место будет нашей базой, – заговорил Горан, когда гости утолили сильные позывы голода и теперь были расположены к вдумчивой беседе. – Потом, ближе к самой операции, мы переберёмся в другое место. Здесь мы будем готовить всё необходимое, дорабатывать план, тренироваться...

– Потренируешься тут, как же! – фыркнул Фай, отправляя в рот последний кусок колбаски. – Этот дед палил за нами весь день!

– Чак не будет нам мешать, – мягко улыбнулся Горан. – Ему восемьдесят два, и он алкоголик. Те восемь бутылок виски, что привезли Тар и Златан, скрасят его досуг.

Фай довольно улыбнулся, а Аттила скептически нахмурился, будто знал об алкоголизме больше, чем Чак Бейвитс.

– Если будет нужно какое-то оборудование, запчасти, реагенты, да даже канистра бензина – об этом говорим Тару, – продолжал Горан. – Никто отсюда ни ногой. Даже чтобы отойти на двести метров от дома, нужно спросить разрешения у меня или у Тара. Таковы условия, и это не обсуждается.

– А как охотиться? – Фай взглядом обвёл присутствующих, ища поддержки.

– Охотиться будем по графику и под моим присмотром, – пояснил Женька. – Прошу отнестись к этому с пониманием: мы всё-таки секретную операцию разрабатываем.

Драконы переглянулись, но никто не высказал возражения.

– Теперь о самой операции, – Горан вёл первую партию на правах хозяина дома. – То, что нам нужно будет похитить, спрятано на военной базе в Куантико. Поэтому нам надо будет разработать сразу два плана: как проникнуть туда и как украсть вещьцу.

– Там наверняка же защита везде, – поморщился Аттила. – От магии, от радиоволн. Дрон перехватят, как два пальца об асфальт.

– Именно! – кивнул Женька. – Поэтому нам надо создать внештатную ситуацию, в которой появление посторонних не будет вызывать подозрений.

– И что это за ситуация? – глаза Фая вспыхнули любопытством.

– Пожар. Нам надо создать масштабное, но управляемое возгорание, – Тартанов, как фокусник, провёл рукой над столом, и все с интересом проследили за этим жестом, ожидая вспышки. – Контролируя пламя, мы можем оттягивать силы гарнизона в то место, в которое нам надо, либо прикрывать огненной стеной своё перемещение.

– Шикардос! – хохотнул Фай. – Нормальный план.

– А как мы создадим такое пламя? – спросила Верди. У неё оказался на удивление мелодичный женский голос. Женька подумал, что она наверняка красиво поёт, а вслух произнёс:

– Для этого у нас есть колдун. Горан, твоя задача – придумать, как создать нам такой огонь.

Старший Шубашич задумчиво уставился в тарелку.

– Твоя задача, Златан, раздобыть чертежи бункера. Мы должны знать, как и кто его охраняет. Исходя из этого будем разрабатывать план взлома.

– А мы? – Фай картинно поднял одну бровь.

– А вы должны придумать, как нам спрятать оружие в костюме пожарных. Первоначально мы не должны вызывать подозрений: никаких торчащих ножен, кобуры и прочих элементов. Мы будем выглядеть как пожарные и действовать как пожарные. Но в нужный момент нам необходимо будет вооружиться, и момент этот может настать, когда мы будем далеко от нашей машины. Поэтому оружие должно быть при нас, и чтобы достать его, у нас не должно уходить больше трёх секунд. Подумайте, может, придётся как-то видоизменить существующие пистолеты или автоматы. Златан поможет нам воплотить эти идеи. Помните: мы собираемся свершить невозможное. Это будет самое дерзкое ограбление в истории!

Воины закивали, в их глазах Женька читал азарт и предвкушение. Ему удалось заинтересовать их, а значит, появилась надежда на успешное завершение операции.

– А мне что делать? – Верди ковыряла вилкой остатки баклажана.

– Ты будешь нашим злым гением.

– Кем?! – тонкие брови девушки взметнулись вверх.

– Будешь выискивать в каждом плане недостатки, безжалостно критиковать, будешь скептиком и циником, – улыбнулся Женька. – Это поможет нам отработать всевозможные непредвиденные ситуации и уберечься от многих проблем. Пока мы будем готовить наше нападение, ты будешь играть за Греуса.

Девушка хмыкнула, но по её лицу Женька видел, что ей приятна столь важная роль.

– А что будет, когда мы добудем ключи? – бесхитростно поинтересовался Фай, и Тартанов понял, что одна из самых важных тайн операции раскрыта. Всё-таки Горан не устоял перед соблазном и выдал конечную цель.

– А сам-то ты как думаешь? – уклончиво ответил Женька и серьёзно добавил: – Все наши перемещения по окончании операции будем продумывать и отрабатывать, когда у нас появится чёткий план её проведения.

Вирус

Работа закипела. Седрик, Аттила и Фай целыми днями пробовали разные виды маскировки оружия в костюме пожарного. Ради этого Фай, когда они с Женькой и Верди были на охоте, даже спёр из пожарного депо полный комплект огнеупорного костюма. Попеременно надевая его, каждый из воинов проверял свою версию – о дополнительных карманах, о клапанах, о потайных застёжках.

Златан практически не вылезал со второго этажа, где в комнате Сариссы оборудовал себе компьютерный зал. Он приладил спутниковую тарелку на дерево и теперь имел выход в интернет. И без устали шарил по всевозможным сайтам, взламывал какие-то базы. Кроме того, он настроил приёмник на частоты полиции и ФБР, чтобы быть в курсе всех планов перехвата и масштабных операций ведомств.

Женька и Горан углубились в магию. Пока Шубашич испытывал различные компоненты, помогающие управлять пламенем, Женька сварил панацеи на пару десятков капсул. Дело предстояло опасное, и могло стать так, что придётся уносить ноги под шквальным огнём, а значит, заезжать в аптеку за лекарствами будет некогда. Такое лекарство могло спасти жизнь раненому, да и тем, кто будет уезжать с ним на руках.

Верди честно исполняла роль скептика, выискивая слабые места в деталях плана, в способах сокрытия оружия. А когда её участия не требовалось, то занималась домашними делами: занятых парней надо было кормить. Вечерами команда обсуждала этапы плана, способы проникновения на базу, делилась успехами и неудачами в работе.

Однако Женька не упускал случая понаблюдать за своей командой, что называется, в домашней обстановке. Обычно он делал это украдкой: притворялся погружённым в работу, а сам обращался в слух, проверял, насколько то, как вели себя драконы при всех, отличается от их поведения наедине с собой. Особенно ценными были те моменты, когда они не знали, что за ними наблюдают. Пользуясь своей магией, Женька становился невидимым и перемещался вслед за кем-нибудь. Он понимал, что такое поведение его не красит и, возможно, даже делает подлым, но он не мог справиться с чувством недоверия.

Всё в этой стране казалось ему чужим и враждебным. Запахи леса тревожили его, ночные звуки заставляли вздрагивать, люди настораживали, а драконы... Их Тартанов силился понять и никак не мог. Внешне они ничем не отличались от драконов, с которыми он общался в России, но что-то было в этих американцах, что не давало Женьке расслабиться. Может, их плохая осведомлённость об истории драконьего рода, о Грандах и богах? Но Тартанов сам ещё год назад не знал и половины того, что знал сейчас. И потом, это он вращался в кругах, где была высокая плотность информации, а обычные драконы на его родине, вероятнее всего, тоже не смогли бы объяснить, кто такие Генце и Руал. Может, недоверие к американцам вызывало то, что они практически не пользовались магией? Никто из команды не умел перемещаться в пространстве, проходить сквозь стены, открывать замки силой мысли, стрелять огнём, не говоря уж о том, чтобы вызывать его. О том, что драконы могут гипнотизировать или усыплять людей, знали многие, однако применять это на практике умел только Седрик. Златан и Горан считали, что им ни к чему такие умения, а Фаю и Аттиле проще было дать в морду, чем усыплять.

И несмотря на увлечённость новых друзей процессом и их воодушевление идеями, Женька не мог отделаться от чувства разобщённости команды. Как будто эти шестеро незнакомцев, увидевших друг друга в момент приезда в дом мистера Гроула, странным образом обособились от того, кто их сюда собрал. Они не выражали недоверия или неприязни, но и не впускали в свой круг. Видимо, это имел в виду Сказочник, когда говорил, что одиночество теперь станет уделом Тартанова.

Он думал об этом, просиживая ночи на веранде, которая шла вдоль всего фасада дома и кухонной стены. Вспоминал братьев, Сою, королевичей, Шу, Вергилия, Сказочника и даже Манула с Настей. Хотелось бы ему знать, каким отцом стал Вовка, как реагирует на шалости неугомонной дочери, удалось ли ему поговорить с Шу и каким они видят своё будущее. Думал Женька и о том, что случилось с Бешей, куда он пропал, нашёл ли способ выбраться из переплёта. А Сказочник? Пока племянник тут придумывает, как проникнуть на военную базу, дядя должен подготовить к открытию все Врата – и людские, и драконьи, и лиговские, чтобы, когда ключи будут в руках, немедленно приступить к выполнению миссии. Но больше всего Женька переживал за Максика. Как он там один на чужбине? Хорошо, конечно, иметь друга-короля, но что если этому королю не понравится то, что с некоторых пор спрятано внутри Тартанова-младшего? Что если это станет поводом для изгнания Максика или даже для охоты на него?! Конечно, ничто не мешало Женьке перенестись в Волгоград и убедиться, что брат в безопасности. Но Женька боялся, что, увидев Максика, он разбередит в душе то, что только-только начало успокаиваться, что чувство вины перед братом захлестнёт его с новой силой, и от этого расставание покажется в несколько раз тягостнее, чем то, что было в Москве. К тому же существовала и опасность того, что взбудораженный встречей, Максик начнёт чаще думать про Женьку и тем самым призывать его. Тратить силы на сопротивление горгоне старший Тартанов не хотел. Поэтому он просто ждал, когда же тоска по братьям выболит, как в детстве выбаливала прививка от дифтерии.

Однако была ещё одна тема, размышления о которой вызывали у Тартанова двойные чувства, – королева Мэй. Думать о ней заставляли Фай и Верди, которые единственные из всех не особенно и скрывали свои чувства и мысли. Их отношения с первого дня стали неотъемлемой частью быта лесного дома. Эта парочка везде ходила в обнимку и не стеснялась целоваться при всех. Фай почти каждый день радовал свою девушку мелкими подарками – то собирал утром небольшой букетик, то приносил пахучие шишки, то баловал горстью лесных ягод или орехов, то подсовывал паука в коробочке. Казалось, он ни часа не может прожить, чтобы не выразить свои чувства. Иногда в самый разгар обсуждения он начинал тискать Верди, или щекотал её веточкой, или щипал под столом, или строил смешные рожи, от которых девушка смущалась. Сама она была более сдержанной в проявлении своих чувств, ограничивалась объятиями или поглаживаниями, но стоило Фаю обнять её, как она тут же льнула к нему всем телом.

Глядя на этих влюблённых, Женька невольно примерял их роли на себя и Мэй. Конечно, он не стал бы вести себя, как Фай. В своих мечтах Женька путешествовал с королевой по всему свету. Он показывал ей самые красивые уголки этого мира: они наблюдали закаты в Африке, встречали рассвет в Альпах, веселились на бразильском карнавале, в молчании наслаждались северным сиянием, бороздили океан, поднимались на высоту птичьего полёта, купались в горячих источниках и с замиранием сердца прогуливались по самым красивым пещерам. Он был готов наполнить её жизнь до краёв красками, светом, эмоциями, впечатлениями. Он заставил бы этот мир служить ей своим великолепием, многообразием и неповторимостью. Думая о королеве, Женька точно знал, какое применение нашлось бы его магическим способностям. Однако правда была в том, что, когда (или если) у их отношений появится хотя бы маленький намёк на будущее, Тартанов окажется лишён своей магии. А может, и жизни. Стоит ли начинать этот путь, зная, какой у него будет финал? И здесь Женька беспокоился даже не о себе, а о Мэй. Как она воспримет то, что неизбежно случится?

Тартанов не хотел причинять ей боль, не хотел, чтобы королева страдала из-за него, но и быть вдалеке от неё он тоже не мог. Теперь он на собственной шкуре испытал то, на что обрёк себя Вовка – на мучительное преодоление притяжения. Природа требовала своё, и игнорировать этот зов с каждым днём становилось всё тяжелее и невыносимее. Тяжелее – потому что зов этот был взаимным. Тот ужин, который состоялся у них ещё до того, как Тартанов

отправился к Седрику в лагерь, прошёл скомкано, и уж тем более это нельзя было назвать свиданием. Публичная личность в дорогом ресторане – событие вполне обыденное, но в тот вечер рядом с ней был незнакомец, и потому всё внимание было приковано к ним. Дамы за соседними столиками незаметно, но всё же оценивали Женьку: одет не шикарно и даже не богато, но пригласил на ужин саму Мэй Гордон! Кто этот парень, который вклинился в расписание этой довольно непреступной женщины? Для богатого поклонника слишком молод. Для юного любовника непростительно богат. Его лицо незнакомо, его манеры выдают иностранца. В то время как светские львицы изнывали от любопытства, их спутники ревниво разглядывали нового соперника. А то, что на их территорию зашёл молодой соперник, стало ясно уже через несколько минут: дамы буквально глаз не отрывали от столика Мэй Гордон. Ещё чего доброго этот чужак пойдёт собирать урожай по всему Манхэттену!

Под этими перекрёстными рентгенами взглядов Женька чувствовал себя неудобно. Он и так волновался от встречи с королевой, а тут ещё вся эта публика просто вздохнуть не даёт. Тушуясь, он так и не решился сказать Мэй главное, а потом, посадив её в такси (королева была категорически против того, чтобы новый знакомый провожал её до дома), ругал себя за нерешительность и за то, что не додумался применить магию для устранения чрезмерного любопытства окружающих. Теперь невысказанное жгло Женьку изнутри, и он подумывал, как устроить ещё одну встречу с королевой. Никаких ресторанов. Нужно что-то уютное, где они смогли бы остаться один на один. Он надеялся, что ему удастся выкроить время и улизнуть от своей команды на денёк. Его не останавливало даже недоверие к ним. Может, это и к лучшему, что они останутся одни: расслабятся, потеряют бдительность, а он вернётся невидимкой и всё разведает. Увы, сей план пришлось на время отложить: Златан раздобыл план бункера. Их на базе в Куантико было несколько, но только один отвечал всем требованиям мощного сейфа.

– У Златана хорошие и плохие новости. С каких начать? – младший Шубашич разложил на обеденном столе полотно, склеенное скотчем из нескольких листов формата А4.

– Хорошие, наверное, в том, что ты нашёл план? – Фай оседлал стул верхом и упёрся подбородком в его спинку.

– Н-нет! Хорошие в том, что Златан раздобыл чертежи всей системы безопасности. Это было непросто, но у Златана светлая голова!

– Сам себя не похвалишь... – Аттила закатил глаза.

– Златан всё проанализировал и вот что понял: нам, ребята, никогда не взломать эту хреновину! – вздохнул младший Шубашич.

– Чё это не взломать? – хорохорился Фай. – Если знать, как всё работает, то можно найти слабые места у любой системы.

– Проблема в том, что слабые места одной ступени защиты прикрываются сильными местами другой. Это как кирпичи, сложенные в шахматном порядке.

– Пока не будем бежать впереди паровоза, – осадил его Женька. – Попытаться обойти эту систему всё-таки надо.

– Даже если мы и придумаем, как взломать бункер, мы всё равно не сможем проникнуть на базу, – подал голос Горан. – Ни одно химическое соединение не даёт возможности управлять огнём. Это может сделать только магия. Но ты ведь сказал, что там везде защита от неё. Мы не сможем даже забывчивость на кого-нибудь наслать.

Тартанов нахмурился, глядя на чертежи. Выход должен быть! Его надо найти. Найти отыскать способ проникнуть на эту чёртову базу, даже если придётся прибегнуть к массированному артобстрелу.

– Но у меня возникла другая идея, – после паузы слова Горана прозвучали как-то по-особенному весомо. – Я подумал: если там нельзя применять магию, нельзя околдовывать работников базы, то, возможно, нужен иной способ воздействия. Что если магию внедрить в их организмы?

- Отравить воду? – косматые брови Аттилы сошлись на переносице.
- Заколдовать еду! Продукты! – Фай чуть не подпрыгнул на стуле.
- Это всё довольно сомнительные способы, потому что мы не знаем, какие фильтры стоят на водопроводных трубах базы, и мы не знаем, как защита от магии подействует на продукты, – Шубашич-старший снова выдержал паузу. – Но есть кое-что получше.
- Да говори же уже! – Фай ударил ладонями по спинке стула.
- На базе работают в основном люди и всего лишь несколько десятков драконов. Из этого я и исходил в своих расчётах. Лишь один организм в этом мире способен не просто играть роль флэшки, но и вносить некоторые коррективы в систему.
- Ну!
- Вирус! Попадая в организм, но не размножается, как это делают бактерии, он изменяет все клетки, которые попадают к нему на пути. Грубо говоря, он меняет их код, и после этого клетки переходят на его сторону и продолжают его дело – также меняют остальных. Людские тела подвержены вирусам. И если драконы в силу своей природы могут намного дольше сопротивляться такому воздействию, то люди заболевают.
- А если у них прививка? – Седрик задумчиво потирал подбородок.
- Вакцинация не спасает от заражения. Её задача – научить организм быстро распознавать и подавлять вирус. Однако заражение всё равно происходит, и какое-то время вирус хозяйничает в теле. До того момента, как иммунная система его не приструнит, может пройти несколько часов, а может, и дней. Но нам ведь много и не надо...
- Что-то я не очень понимаю, какое отношение вирусы имеют к магии.
- Если мы используем способности вируса менять клетки организма, то мы можем заставить его снять магическую защиту. Воздействие на клеточном уровне.
- Погоди... То есть что получается... Мы как бы зарядим вирус нужной нам программой? – Фай снова подался вперёд, отчего стул ударился о край стола. – Эта программа изменит клетки, и они потеряют устойчивость к магии?
- Именно!
- Где ты возьмёшь вирус? – Аттила скрестил руки на груди.
- В институте вирусологии, конечно! – бодро ответил Горан. – Нам нужно что-нибудь, что легко передаётся по воздуху, что-то агрессивное, быстро мутирующее.
- Грипп? – Златан поиграл бровями.
- Он самый, братец!
- А дальше! Ну, заразим мы полбазы гриппом – и? – Женька склонил голову набок, стараясь предугадать ответ Шубашича.
- Мы сможем управлять персоналом: вывести коды, месторасположение электронных ключей – да всего, что поможет нам открыть бункер. Мы с помощью магии устроим любой переполох, какой нам будет выгоден.
- А как мы проникнем на базу, не засветив свои рожи? – буркнул Аттила. – Напьем маски президентов, как банда в фильме «На гребне волны»?
- Мы будем врачами. Служба эпиднадзора одевается ещё покруче пожарных, – развёл руками Горан. – Только нам будет нужна поддержка. Златан, возьми это на себя!
- Тащить сюда какую-то заразу – глупо, – впервые за вечер вступила в разговор Верди. – Мы хоть и драконы, но всё же в человеческих телах.
- Никто сюда ничего не понесёт! – отрезал Женька. – Горан всё сделает на месте. Там, в институте вирусологии. У них и оборудование, и специалисты...
- Одно дело – украсть пару пробирок, и совсем другое – остаться там работать, – растерялся старший Шубашич. – Как такое возможно?
- Женька загадочно улыбнулся.

Дар

В Дэйтоне уже почти стемнело. Противно моросил дождь, который загнал домой всех любителей вечерних променадов – владельцев собак, бегунов, студентов, пьяниц и просто поздних прохожих. На скамейку, стоявшую с краю газона, раскидистые кроны деревьев бросали длинные резкие тени от света дежурного фонаря, горящего над входом в баптистскую церковь Святого Ангела. Это спасало сидевших на скамейке Седрика и Женьку от взглядов случайных прохожих или водителей машин, которые с шуршанием проезжали по Браун-стрит. Кварталом выше, за церковью начинался студенческий городок Дэйтоновского университета. При нём располагался институт вирусологии, где сейчас Горан вместе с сотрудником, загипнотизированным Женькой, работали над модификацией вируса.

Тартанов, казалось, не замечал дождя. Плечи и спина его крутки потемнели, волосы прядями прилипли ко лбу, но он сидел, подавшись вперёд, сцепив пальцы в замок и положив локти на колени. Рядом возвышался Седрик, усевшись на спинку скамьи, а ноги поставив на сиденье. Он накинул на голову капюшон ветровки, и от этого походил на гарлемского рэпера или подпольного боксёра. Седрик тоже упирался локтями в колени, крутя на пальце что-то вроде мини-четок. Сидящие уже поохотились и ждали возвращения Аттилы, которому сегодня дважды не повезло с добычей.

– Немного напрягает, что ты таскаешься за нами, как за школьниками, – первым нарушил почти пятнадцатиминутное молчание Седрик.

– Я знаю, – не шелохнувшись, отозвался Женька. – Мне просто хотелось поговорить с тобой наедине.

– Так говори! Чего ждал столько?

– Не знал, с чего начать.

– Ого! – хмыкнул Седрик. – Надеюсь, ничего романтического?

– Не любишь романтику? – поддел его Женька.

Седрик улыбнулся. После общения со Сказочником Тартанов открыл в себе новое умение: ему уже не нужно было смотреть на человека, чтобы узнать его эмоции. Он ощущал их новым чутьём, доселе незнакомым, но крепнувшим день ото дня.

– Я хотел бы дать тебе особое задание, – Женька сменил тон на более серьёзный. – Только тебе, понимаешь?

– Задание какого рода?

– Я знаю, тебе оно будет неприятным, но я хочу, чтобы ты...

– О нет! Только не читать мысли! – замотал головой Седрик. – Слушай, я согласился на эту авантюру, потому что тебе нужна была силовая поддержка. Я дам её, но о большем не проси!

Тартанов шмыгнул носом и заговорил, то поднимая, то опуская сжатые в замок пальцы, и чем дальше он говорил, тем резче становились движения и больше амплитуда.

– Мне тоже неприятны некоторые вещи. В России у меня осталось два брата, один из которых... скажем так, серьёзно болен. Там у меня остался друг, которого схватили по ложному обвинению, и ему теперь грозит пожизненное заключение. Кроме того, я случайно выпустил на свободу двух монстров, каждому из которых по силам уложить в одном бою сотню драконов, не говоря уж о людях. Я должен быть сейчас там, должен помогать им, должен всё исправить, Седрик! Но я здесь, потому что есть цели поважнее личных. Мне не по душе роль грабителя и террориста, я не умею разрабатывать военные стратегии, просчитывать ходы и плесть интриги. Из меня хреновый лидер, но я переступаю через себя ради цели. Я ставлю ногу на горло своим «хочу» ради всеобщего «надо». И раз вы пошли за мной, я требую, чтобы вы поступали так же: ставили «надо» выше «хочу».

– А ещё говоришь, что ты хреновый лидер! Такую речь задвинул!

– Я хочу, чтобы ты уяснил одно: если мы не сделаем то, что задумали, мы все погибнем. Все – это не только наша команда. Я сейчас говорю о нашем народе, о драконах. Пока зло не расплозлось, его ещё можно уничтожить малыми силами – призвать Повелителей.

– Это Повелителей ты сейчас назвал малыми силами? – мотнул головой Седрик.

– Малые силы – это мы. Мы, как дети в комнате, объятый огнём. Пока у нас есть возможность, надо открыть дверь пожарным. Если мы промедлим, то открывать дверь будет некому. Да и не за чем.

Седрик перестал крутить чётки и сидел, опустив голову. Женька ждал, что он ответит. В молчании прошло больше минуты.

– Если ты докажешь, что мой дар на самом деле необходим...

– Сам решай, можно без него обойтись или нет, – Женька выпрямился, уперевшись ладонями в колени. – Я хочу, чтобы ты проник в резиденцию короля и подслушал его мысли.

Несколько секунд Седрик держался, а потом прыснул от смеха. Он так заразительно хохотал, что губы Женьки помимо его воли разъехались в улыбку.

– Сразу видно, что ты чужеземец, – просмеявшись, сказал мистер Дорф. – Проще проникнуть на базу в Куантико, чем в резиденцию короля. Греус параноик, и его драконы досконально проверяют всех, кто входит и кто выходит. Все спецслужбы находятся под его юрисдикцией, поэтому мы не сможем даже документы подделать: нас раскусят на раз-два. А когда раскусят... Тебе лучше не знать, что с нами сделают.

– Любое обстоятельство можно обратить в свою пользу, – упрямо заметил Женька. – Если Греус проверяет всех, кто входит и выходит, то значит, в тех, кто уже внутри, он уверен. Так?

Седрик задумчиво кивнул.

– Ты окажешься внутри, не входя в здание. Поэтому тебя проверять никто не будет.

Воин непонимающе уставился на Тартанова. Иногда он не мог прочесть мысли этого дракона. Он слышал их, но они сливались в мутный поток, и вычленив из этого тумана что-то конкретное было невозможно.

– Я научу тебя кое-чему. Это поможет тебе проникнуть в резиденцию и перемещаться внутри неё.

– Что я должен буду делать?

– Я хочу быть готовым к любым перемещениям Греуса и тем более к его ответным действиям. Успех нашего плана зависит от того, насколько мы учтём все неожиданности. А учесть их легче, если они из неожиданностей превратятся в ожидаемые реакции.

– Что ж... Это понятно и логично, – Седрик выпятил свои лиловые губы, словно собирався насвистывать. – Как я буду передавать тебе информацию?

– Проникнешь в резиденцию под видом уборщика: так ты вызовешь меньше всего подозрений и сможешь перемещаться по зданию, – с готовностью заговорил Женька. – Будешь оставлять послания на стёклах окон, а я буду читать их с помощью специальных фильтров.

– Каких ещё фильтров? Ультрафиолетовых?

– Нет, лучше. Это изобретение Горана. Когда он работал над созданием антидота к олию, то записывал формулы и другие важные вещи на окнах. Так он защищал информацию от кражи, потому что компьютеры можно похитить, электронные хранилища взломать или уничтожить. И когда к нему нагрянули с обыском, когда люди Киора разбомбили его лабораторию, отформатировали все диски на компьютере и сожгли все документы, технология приготовления антидота не была утеряна. Она осталась на стекле, написанная специальным составом, который не виден ни в одном из известных спектров излучения.

– Как же тогда её прочесть?

– Златан изготовил специальные линзы с особым напылением, которые помогают прочесть написанное.

– Ну и башковитый наш Горан! Светлая голова! – искренне восхитился Седрик.

– Грех не использовать это в нашем деле, – согласился Женька. – Не сегодня – завтра он закончит с вирусом, и будем приступать к операции. Поэтому важно знать, что творится в стане врага.

– Вы уже решили, как будете запускать вирус на базу?

– На дроне. Распылим с воздуха.

– Его запеленгуют и перехватят управление.

– Златан сделает дрон, которым нельзя управлять, а значит, и перехватить управление нельзя. В нём будет только программа с координатами стартовой, тактической и финальной точек. Дрон взлетит, а когда достигнет тактической точки – распылит вирус, – Женька изобразил рукой летящий самолёт, – а потом упадёт куда-нибудь в лес или в Потомак.

– А если его собьют?

– Это даже ещё лучше: сбитую модель доставят для изучения – на предмет фото- и видеокамер. Но стоит военным вскрыть её, как они тут же подхватят заразу.

– А если его собьют так, что он взорвётся?

– Им это не выгодно, ведь важно не просто предотвратить утечку информации, но и отследить, откуда лазутчик, – Женька довольно улыбнулся. – Нет, они не будут его взрывать.

– Но всё же!

– У нас есть запасной план. Подстрахуемся через воду.

Седрик тербил чётки, обдумывая услышанное.

– Так что, ты согласен на моё задание? – мягко вернул его к предыдущей теме Тартанов. – Возьмёшься шпионить за Греусом?

– Согласен, – вздохнул мистер Дорф.

– Только одно условие, которое не обсуждается, – Женька повернулся к нему и серьёзно взглянул в глаза. – Никто не должен об этом знать. Никто из наших!

– Но моё отсутствие придётся как-то объяснить!

– Я возьму это на себя. Придумаю что-нибудь.

– Я не могу так. Я не могу скрывать это от Аттилы. Он не поймёт.

– Седрик, мы говорим о секретной операции!

– Я скажу ему, чтобы держал рот на замке – и он никому и ничего не скажет даже под пытками, – раздражённо ответил Седрик. – Но он очень... чувствителен к доверию. Если мы... если я утаю от него что-то, для него это будет болезненным ударом.

Тартанов недовольно поморщился. Воины тут все как на подбор чувствительные и ранимые. Один вокруг девки вьётся, другой обижается, что его в тайну не посвятили. Даже Кот, уж насколько тесно привязанный к брату, но и тот с пониманием отнёсся к тому, что Беша имел секреты от него.

Женька вздохнул: здесь он на чужбине. Эти драконы – единственный его шанс сделать то, что просил Сказочник. Если сейчас настоять на своём, проявить жёсткость, то кто знает, чем это обернётся потом. Утратой уважения, доверия или даже предательством. Кроме того, у него, у Женьки, просто нет времени и возможностей набирать ещё одну команду. Он потёр тыльную сторону ладони второй рукой и спросил:

– Ты давно его знаешь?

– С детства. Мы росли вместе, – тут же ответил Седрик, словно только и ждал такого вопроса. – Мои родители были драконами, а Аттилу усыновили. Естественно, его крепнущая сущность пугала приёмных родителей. Они были уверены: всё, что с их сыном происходит, он делает им назло. Его били, наказывали, водили по врачам. Мой отец не мог вынести этого и уговорил Герфингеров записать сына в тхэквондо, в группу, куда ходил я. Под предлогом тренировок, соревнований, сборов, подготовки к контрольным и рефератам он забирал Аттилу

из дома и приводил к нам. Через год он буквально жил у нас, и его приёмные родители были этому несказанно рады. Так что мы с Аттилой как братья.

Скептицизм на лице Тара заставил мистера Дорфа выйти из привычного спокойного состояния. Он, нервно поглаживая колени, заговорил – с жаром, с желанием убедить и со страхом не быть услышанным:

– Знаешь, это его психологическая травма, что ли... Он ведь не знал, что дракон, но чувствовал, что отличается от остальных детей, и вместе со своими родителями считал себя уродом. До тех пор, пока они не переехали на нашу улицу. Тогда мой отец рассказал Аттиле, почему с ним происходит такое, и это, наверное, изменило его личность. Он стал доверять людям, которые честны с ним, и не доверять тем, кто что-то скрывает. Аттила очень ревностно относится к правде, он желает знать её в любых, даже самых неказистых проявлениях. Взамен он готов платить безграничной преданностью. Не знаю, как ты, но я не могу разбрасываться таким даром. Для меня отношение ко мне моего друга, его вера в меня важнее любых политических перипетий. Потому что короли приходят и уходят, появляются и исчезают внешние враги, но что пройдёт со мной через всю жизнь – это мои близкие. И если ты предлагаешь мне отказаться от этого дара, то я, скорее, откажусь служить тебе.

Слова Седрика неожиданно затронули в сердце Женьки доселе не звучавшие струны. Он вдруг осознал, что всё, через что он прошёл и через что ему ещё предстояло пройти, имело лишь одну истинную цель – остаться с братьями. Вся эта глобальная идеология спасения своего народа укладывалась в простую задачу – спасения своих братьев. Нет, Женьку, конечно, трогали судьбы других драконов, особенно тех, кто несправедливо пострадал от издержек режима лиг, но все эти искалеченные тела и жизни никогда бы не заставили его подписаться на то, на что он подписался нынче. Тартанов очень ясно увидел, что истинным его желанием свержения богов является не мир во всём мире, а стремление избавить братьев от страданий. Дать Вовке возможность завести нормальную семью, потому что он, наверное, единственный из них как никто другой заслуживал личного счастья. Он столько времени отодвигал свою жизнь на потом, отдавая себя заботе о младших братьях, что теперь они с Максиком в неоплатном долгу перед ним. Да и Максику тоже досталось в жизни. Известие о смерти братьев сильно ударило по нему. Возможно, если бы не Сказочник, младшего Тартанова давно бы сожрали твари. Да если бы только они! Этому пареньку пришлось отчаянно сражаться не только с обитателями невидимого мира, но и с обитателями мира реального – с приёмными родителями, учителями, докторами, сверстниками. История Аттилы очень напоминала историю Максика, и, наверное, поэтому сердце Женьки так живо откликнулось на слова Седрика о преданности и дружбе. Но даже сейчас, став сильным воином, Максик всё равно нуждался в заботе и защите, продолжая битву, начатую в детстве. Масла в огонь подливали боги, которые считали таких драконов, как младший Тартанов, опасными и нещадно уничтожали их. Только Повелители могли не просто защитить Максика, но и помочь ему одолеть внутреннего монстра. Ради этого Женька шёл на войну против лиг, ради своих братьев он готов был сражаться насмерть, а никак не во имя всего народа.

– Ладно, – сказал он тихо. – Если ты уверен, что Аттила не проболтается, то можешь рассказать ему.

Седрик, как показалось, с облегчением вздохнул.

– Возможно, вы – это то, чего мне не хватает тут, – осторожно признался Женька. – Ощущения дружеского плеча, преданности, как ты сказал.

– Просто ты слишком рвёшься домой, – руки Седрика, наконец, успокоились, легли на бёдра, как уставшие метаться по клетке хищники. – Твоё сердце – там, но перенеси его сюда – и ты ощутишь и преданность, и поддержку.

Женька смущённо опустил голову.

На тротуаре чуть дальше церкви из темноты, куда ещё не долетал свет фонарей, показалась фигура Аттилы – угловатая и сутулая. Он вышагивал бодро, значит, ему наконец-то удалось заарканить тварь.

– Замёрзли, гоблины? – хохотнул он, приближаясь, и тут же споткнулся о торчащий край тротуарной плитки.

– Ждём Горана, – улыбнулся в ответ Женька.

– Этого можно до утра ждать, – Аттила остановился, сунув руки в карманы куртки. – Может, найдём место посуше? Неохота мокнуть...

– Ладно, давайте найдём, – Женька поднялся и вынул из кармана чёрный маркер. – Хотите понаблюдать за нашим учёным?

Седрик и Аттила недоуменно переглянулись.

– Парни, я научу вас проходить сквозь стены, – подмигнул Тартанов. – Вам это в будущем пригодится.

И выразительно посмотрел на Седрика.

Вопросы государственной безопасности

Арсент с досадой чертыхнулся: телефона не оказалось ни в портфеле, ни в кармане. Видимо, он оставил его на рабочем столе, хотя в памяти остался эпизод, как он клал телефон в портфель. Может, воспоминания другого дня наложились на сегодняшние? Арсент нервно барабанил пальцами по стенке лифта, который вёз его обратно наверх.

Рецепция была уже пуста. И без того приглушённый свет коридора стал совсем тусклым. Арсент не любил задерживаться допоздна, потому что опустевшее здание наполнялось пугающей тишиной и замогильным эхом. И хоть Арсент не верил в призраков и прочую мистику, ему было не по себе в этих стенах, которые по окончании рабочего дня превращались в склеп из стекла и бетона.

В его кабинете было темно, однако начальница всё ещё сидела у себя: из приоткрытой двери на пол ложилась полоска мерцающего света и слышались голоса. Сначала Арсент решил, что миссис Гордон беседует с продюсером канала DHT Майклом Эвансом. Майкл был её старинным другом и частенько заходил просто поболтать. В этих разговорах никогда не было ничего таинственного или крамольного, Майкл ни разу не давал повода усомниться в чисто дружеской подоплёке его отношений с миссис Гордон и ни одним словом, жестом или взглядом не намекнул на романтические фантазии. Поэтому Арсент проследовал к своему столу, даже не надеясь узнать пикантные подробности из жизни своей начальницы: с Майклом она говорила только о работе, о светских мероприятиях или просто обсуждала какой-нибудь фильм или концерт.

Телефон обнаружился на столе, частично прикрытый папкой с отчётами, присланными рекламным отделом. Вот почему Арсент не заметил его, когда уходил! Он сунул телефон в карман и уже собрался, было, покинуть кабинет, но замер от неожиданности: миссис Гордон назвала своего гостя Таром. Точно так звали того типа, который несколько недель назад ломился к ней без приглашения. Арсент тогда так и не понял, каким образом этот хлыщ проник в кабинет к начальнице. И, слава богу, она не устроила ему выволочку за то, что он не выполнил инструкцию!

И вот сейчас этот Тар снова нарисовался. Как будто у него есть потайной ход в этот кабинет! Арсент замер, прислушиваясь.

– Я правильно понимаю: вы собираетесь украсть самую охраняемую в мире вещь? – с недоверием поинтересовалась миссис Гордон. – Ты хоть понимаешь, к чему это приведёт?

Ты! Арсент зажмурился. Его начальница ни к кому так не обращалась, кроме своего самого близкого окружения, а этому странному типу, значит, тыкает! Референт на цыпочках перебрался поближе к двери: что-то тут намечалось таинственное.

– Полагаю, к перевороту, – серьёзно ответил Тар, и у Арсента быстрее застучало сердце.

– Ты говоришь об этом так спокойно? – недоумевала Мэй.

– Да, потому что именно этого и добиваюсь. Когда ключи будут у нас в руках, то и весь мир тоже будет у нас в руках. Это похлеще, чем завладеть ядерным оружием.

Лицо Арсента вытянулось от изумления.

– Господи... – миссис Гордон вздохнула. – Не могу поверить, что ты всерьёз говоришь о таком! Ключи хранятся на военной базе в Куантико. Ты что же... собираешься напасть на военную базу?

– Не напасть, а проникнуть, – поправил её Тар. – Мы проникнем на базу, вскроем бункер и украдём ключи.

– Ты говоришь не о банковском сейфе, а о военной базе, на которой расквартировано почти десять тысяч солдат! Туда невозможно проникнуть!

– В обычное время – да. Но если создать нестандартную ситуацию, посеять панику, то в этой неразберихе легко затесаться в любое, даже самое охраняемое место.

– Тар, мы говорим о военных. Эти люди обучены реагировать на любые нестандартные ситуации. Ваш план обречён на провал.

– Вовсе нет! Прочти, я детально изложил всё тут, – из кабинета донёсся звук, будто на стол бросили папку с бумагами. – Ну а если коротко, то мы планируем распространить на базе вирус.

– Какой ещё вирус?!

– Честно говоря, не знаю, какой именно. Ребята что-то там украли из института вирусологии в Огайо, – Тар шмыгнул носом. – Когда полбазы сляжет с температурой, у военных не будет выбора: они объявят карантин и обратятся к эпидемиологам. И вот тогда под видом врачей мы и проникнем на базу. Из-за карантина все передвижения солдат по территории будут запрещены, и мы можем не опасаться, что нас засекут, пока мы взламываем бункер. К тому же вывезти ключи вместе с заражённым пациентом, или в контейнере с пробами, да даже под защитным костюмом – проще пареной репы.

Арсент закрыл рот рукой. То, что он услышал сейчас, тянуло на государственную измену, не меньше. Этот Тар – очень опасный тип, и если он прознает, что произошла утечка информации, то, конечно, не остановится ни перед чем, чтобы убрать свидетеля. Однако страх и любопытство не позволили референту даже шелохнуться, не говоря уж о том, чтобы сбежать.

– Не делай этого, Тар! – в голосе Мэй послышалась мольба – интонации, которых раньше никто и никогда не слышал из уст этой женщины. – Пострадают невинные!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.